Вл. Николаев

ОТДАЮ СЕБЯ РЕВОЛЮЦИИ...

• ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ •

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

• ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ •

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

Вл. Николаев

ОТДАЮ СЕБЯ РЕВОЛЮЦИИ...

ИПЛ

Издательство
политической литературы
Москва · 1972

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

...Едва не падая от бессилия, Михаил уже затемно добрался до дому и в изнеможении опустился на койку. С трудом заставил себя стянуть шинель, сбросить китель и обмыть руку. Рана оказалась неопасная, он наскоро перевязал ее и не заметил, как провалился в сон.

Спал Михаил долго, но пробудился в тревоге и возбуждении. Впечатление такое, что он и во сне напряженно обдумывал все, что случилось.

Минувший день 9 января 1905 года принадлежал истории, а для него этот день как бы еще продолжался, потому что все, чему он был свидетелем и о чем услышал потом от других, лишало покоя, будоражило, бурлило в нем, волновало ум. Он один напряженно обдумывал случившееся и обсуждал все с товарищами.

Друзья приходили часто, рассказывали, что творится всюду. В столице шли

повальные аресты, обыски, облавы, налеты. Но карательные действия властей вызывают возмущение и сопротивление во всех слоях общества. Еще 9 января к вечеру во многих местах города выросли баррикады. Разгневанные рабочие и студенты громили полицейские участки и кое-где захватили оружие. Портреты царя публично уничтожались и сжигались. Больницы переполнены ранеными.

Михаил с жадностью слушал эти сообщения, он верил, что развитие событий не остановится на том уровне, какого оно достигло в день кровавого воскресенья. Народ уже проклял царя, окончательно разуверился в нем, дружно пойдет в революцию, потому что иного выхода нет.

Принимать участие в дискуссиях, вспыхивавших каждый раз, как только к нему приходили друзья, было еще трудно. Чувствовалась слабость, несколько дней подряд держалась температура. Стоило произнести пяток фраз, малость погорячиться, лоб покрывался испариной, перед глазами все начинало расплываться, голова кружилась, приходилось в бессилии откидываться на заботливо взбитые подушки.

За больным ухаживали посменно Зиночка, сестра товарища по Политехническому, и Оля Генкина, с которой он недавно встретился на Выборгской, где они вместе выступали перед рабочими и создавали кружки. Какие они разные, эти милые девушки. Милые совсем на особенный манер.

Зиночка сердобольна, мягка, отзывчива. Стремится предупредить любое желание. Готова поминутно поправлять и взбивать подушки, заметит на лбу бусинки пота, тут же примется вытирать. Увидит, что больной смежил веки, начинает засыпать,— замрет, не шелохнется. И так просидит не один час, боясь малейшим движением потревожить сон.

А заметит, что проснулся, тут же начнет хлопотать. То лекарство, то питье, то перевязка, то кормление. У Зиночки мягкие добрые руки, с ней очень уютно и покойно. Простая душа, она не скрывает того, что влюблена в этого отважного и вместе с тем такого доброго и душевного юношу. Иногда Зиночка пробует уговаривать уехать на время на Псковщину, в провинциальную глушь и тишину, целебную для ран душевных и физических.

Михаил не может не оценить доброты и редкой женской мягкости милейшей Зиночки. Прожить жизнь с такой женой, видимо, было бы истинным наслаждением. Но в такое время, как теперь, это немыслимо. И вообще такая жизнь не по нем. По его мнению, нет ничего страшнее, чем прожить пустую жизнь в тепле и довольстве, а потом на склоне лет с горечью сознавать, что никому от того, что ты делал, не стало лучше, не сделалось светлее. Нет, нет и нет, не для такой жизни он рожден.

Поэтому иногда и хмурится на милую Зиночку Михаил, еще более резко и прямо говорит о борьбе и о своей готовности в любую минуту ринуться в бой за свободу, не щадя жизни, когда в тесной комнатушке разгораются политические дискуссии.

Кто-то из друзей вдруг принес новый мотив, ранее не звучавший в спорах: зачем слабыми силами, без подготовки ввязались в драку? Вспыхнула острая дискуссия. На высказавшего такую мысль навалилось несколько человек.

— Значит, лучше было отсидеться в сторонке, выждать более подходящих времен?

— Пусть рабочий люд кровь проливает, а мы ручки боимся замарать...

— Люди на борьбу поднимаются, на баррикады идут, а мы фразочками, фразочками покрасивее перекинемся...

Язвительные реплики неслись одна за другой. Затеявший дискуссию взмолился:

— Господа, господа, нельзя же передергивать. Против выступлений, против борьбы никто и слова не говорит. Спрашивается лишь одно: зачем выступать без надлежащей подготовки?

И тут не выдержал Михаил. Он приподнялся на локте и впился негодующим взглядом в противника.

— Как зачем? Возможно ли оставаться в стороне, когда народ пошел? Я сам на Выборгской отговаривал от выступления, разоблачал гапоновскую затею. Но уж если это нам не удалось, то что прикажете, сложить руки?

Михаил заметно горячился, тяжело передохнул и продолжал:

— По-вашему, выходит, пусть народ погибает, а мы не выступим, пока оружие до блеска не вычистим, патроны не подсчитаем, последнюю пуговку не пришьем и все «за» и «против» не взвесим. Выходит, так?

— Но, господа, зачем же так утрировать? Речь идет не вообще, а о данной вполне конкретной обстановке, сложившейся на 9 января...

Это уточнение подхлестнуло Михаила:

— Да в данной-то обстановке Петербургский комитет принял единственно правильное решение, обязав всех партийцев быть в одних рядах с обманутыми массами. Не может истинный революционер бросать народ только потому, что он темен и в силу этого совершает ошибки.

Это замечание вызвало такой шум, что Зиночка и Оля решительно запротестовали и вытолкали спорщиков за дверь.

Михаил устало откинулся на подушки. Зиночка, поправляя постель, не преминула посетовать:

— А не охладил вас, Мишенька, свинец.

— Нет, не охладил,— простодушно признался Михаил, улыбаясь той доверительной улыбкой, которая трогала сердца так, что сразу располагала к дружескому общению.— Скорее, наоборот, еще более утвердил в правильности сделанного выбора.

— И выбор, разумеется, окончательный? — метнула добрый взгляд Зиночка.

Михаил утвердительно кивнул и произнес:

— Окончательный.— Посерьезнел и строго добавил: — Впереди у нас огненная дорога, мы пройдем по ней до конца, до полного завоевания свободы. Не дрогнем.

От этих слов смущенно покраснел: вышло несколько высокопарно, но зато верно.

А Зиночка принялась успокаивать:

— Ну будет, будет, Мишук. Вам необходим покой. Спите.

Она попрощалась долгим преданным взглядом, ее дежурство закончилось. Заступала Ольга.

Михаил сделал вид, что засыпает, но не заснул. Дождался, пока удалилась Зиночка, и снова открыл глаза. Это живо заметила Ольга и тут же приветливо улыбнулась.

— Что ты, Миша, больше всего ценишь в человеке? — спросила вдруг она.

— В мужчине или в женщине?

— В человеке, в человеке, Миша,— повторила назидательно и тут же сама ответила: — Я выше всего ценю стойкость. А ты?

— И товарищество,— добавил Михаил.— А стойкость само собой.

— Ты прекрасно сегодня говорил, я с каждым твоим словом согласна,— просто и доверительно сказала она. И Михаил оценил это краткое признание.

Он поразился умению Ольги быть в отличие от милой Зиночки немногословной и точной...

Через несколько дней рана затянулась. Его стали оставлять одного, хотя каждый из друзей считал долгом завернуть к нему в свободную минуту.

Товарищи сообщали, что реакция свирепеет с каждым днем. Но показательно, жестокости властей вызывают у большинства не страх, а возмущение. Волна гнева в народе ширится. В Зимний идут телеграммы и письма протеста. Возмущение достигает таких пределов, что чревато взрывом, революцией.

Михаил с жадностью слушал такие новости. Они его радовали. Он верил, что так, только так и должно быть. Не зря пролилась кровь.

Обдумывая все эти дни свое будущее, он решил учение оставить или по крайней мере прервать. Если до 9 января казалось, что революционную работу можно совмещать с учением, то теперь он такую возможность решительно исключал. Не может он после всего, что произошло, чему был свидетелем, спокойно отсиживаться на студенческой скамье. Революционную работу надо вести в недрах самого передового класса — среди рабочих. Это твердо. Колебания невозможны: жребий брошен, Рубикон перейден...

Однажды, оставшись в одиночестве, Михаил решил написать обо всем матери. Надо, чтобы она знала об избранном пути, чтобы на его помощь не рассчитывала. По крайней мере пока...

Он прошелся в возбуждении по комнате раз и другой, потом сел к столу и принялся писать:

«Милая мама, у тебя есть сын Костя, есть и дочери. Надеюсь, что они тебя не оставят, позаботятся о тебе в трудную минуту... Потоки крови, пролитые 9 января, требуют расплаты. Жребий брошен, Руби-

кон перейден, дорога определилась. Отдаю всего себя революции. Не удивляйся никаким вестям обо мне. Путь, выбранный мною, не гладкий...»

Письмо предназначалось матери, но строки его адресовались прежде всего самому себе и звучали как клятва. Этим утром двадцатилетний Михаил Фрунзе твердо определил свою судьбу, которой остался верен до последнего удара сердца, и был счастлив, что прожил жизнь так, а не иначе.

Он родился в семье отставного фельдшера на далекой окраине России, в городе Пишпеке (ныне Фрунзе, столица Киргизской ССР). Рос любознательным, живым и даже немного озорным мальчиком. Еще в детстве, когда его спросили, кем бы он хотел стать, сказал: «Генералом!» Шутка запомнилась. Над Мишей по этому поводу изредка подтрунивали. Старший брат Костя иногда обращался к нему со словами «Ваше превосходительство».

Но говорят, во всякой шутке есть доля правды. И в этой она оказалась. Михаил Фрунзе рано проявил живейший интерес к истории, зачитывался жизнеописаниями великих полководцев, его увлекали их походы и сражения. Любовь к военному делу с годами все более усиливалась.

Закончив начальную школу, Михаил из Пишпека переехал в город Верный (ныне Алма-Ата, столица Казахской ССР). Здесь он поступил в гимназию. Учился хорошо, можно сказать блистательно. Из класса в класс переводился с наградой первой степени, ему при этом вручалась книга с золотым обрезом и лестной надписью «За отличные успехи и примерное поведение». Как «достигший наивысших успехов», получал в гимназии Пушкинскую стипен-

дию, учрежденную в честь столетия со дня рождения великого поэта.

В Верном жили тогда ссыльные русские и польские революционеры. Юный Фрунзе встречался с ними. Познакомился через них с нелегальной литературой. Прочитал воспоминания Лафарга о Марксе, конспектировал «Капитал» Маркса, следил за «Искрой», интересовался трудами Энгельса, Ленина, Плеханова. Здесь он впервые прикоснулся к деятельности, которую приходилось скрывать от бдительного ока властей,— распространял листовки, участвовал в сходках и «вечеринках».

Впоследствии Фрунзе обо всем этом упомянет одной фразой в своей автобиографии: «Первое знакомство с революционными идеями получил еще в бытность в гимназии, где участвовал в кружках самообразования».

Одним из этих кружков руководил ссыльный социал-демократ Г. М. Тихомиров, студент историко-филологического факультета Петербургского университета. От Тихомирова гимназисты, в том числе и Фрунзе, получали первые сведения о Марксе и Энгельсе, Плеханове и Ленине, узнавали о различных направлениях в революционном движении, приобщались к актуальным для той поры спорам о роли рабочего класса и крестьянства в освободительной борьбе. Гимназический кружок самообразования содействовал расширению кругозора его участников, оказывал влияние на формирование подлинно революционных взглядов.

Гимназию Михаил Фрунзе окончил с золотой медалью. В аттестате были отмечены его особые успехи в историко-филологических науках. Между тем ему настоятельно советовали заняться и естественными науками.

Что же выбирает юный Фрунзе?

Экономический факультет Петербургского политехнического института.

Решение кажется неожиданным. А может быть, оно принято случайно? Но давайте послушаем, как обосновывает такое решение сам Фрунзе в письме, адресованном старшему брату, который в это время учился на медицинском факультете в Казани: «Ты спрашиваешь, почему на экономическое отделение? Милый Костя, экономика — это основа всего. Мы будем с тобой лечить больного, а через год или через месяц он погибнет от голода, от грязи, от холода в своем убогом жилье! Лечить надо глубже — изменить всю жизнь, чтобы не было бедности и лишений ни у кого, никогда... Я не ищу в жизни легкого. Я не хочу сказать себе на склоне лет: «Вот и прожита жизнь, а к чему? Что стало лучше в мире в результате моей жизни? Ничего? Или почти ничего?»

Нет, глубоко познать законы, управляющие ходом истории, окунуться с головой в действительность, слиться с самым передовым классом современного общества — с рабочим классом, жить его мыслями и надеждами, его борьбой и в корне переделать все — такова цель моей жизни...»

В корне переделать все — вот на что замахивается юноша, только что приехавший с далекой окраины в столицу! Для этого, согласитесь, нужна не одна лишь юношеская отвага, а и высокая степень зрелости сознания и характера.

Петербургский политехнический институт, открытый всего два года назад, демократический по своему составу, собравший знаменитых и передовых ученых того времени, захватывает жаждущего не только знаний, а и активной общественной деятельности молодого, полного сил и энтузиазма человека. Первые

впечатления от пребывания в столичном институте Михаил Фрунзе изложил в письме другу по гимназии Косте Суконкину:

«Своим выбором я очень доволен. На политэкономическом отделении нужно только читать, что и делаю. Профессора у нас прекрасные, среди них есть такие знаменитости, как Кареев, Менделеев, Иванюк и другие. Из наук мне особенно нравятся: химия, политическая экономия и история. По экономии и истории пишу сейчас рефераты, которые буду защищать на диспуте. Очень нравится мне тоже энциклопедия права, это в высшей степени интересная наука. Читать приходится массу по всем отраслям знаний. Советую тебе заняться чтением, но только не пустяков, а серьезных книг, это тебе потом очень и очень пригодится... Еще раз повторяю: читай, читай и читай. Здесь без чтения никуда. Хорошо разве тебе будет потом в университете, когда сразу же придется применить к делу свои познания, а у тебя их нет...»

По этому письму чувствуется, что в столичном институте царила деловая обстановка, к овладению знаниями его питомцы относились со всей серьезностью. Но и общественная жизнь здесь была на подъеме.

Создать студенческое землячество, кассу взаимопомощи, политически объединить сверстников из родных краев — такова ближайшая практическая цель. Но Фрунзе не забыл и о своей главной цели. Он понимал, что «в корне переделать все» в одиночку не удастся. И начал присматриваться к различным политическим группировкам, партиям, обществам.

При отъезде из Верного политический ссыльный Сенчиковский снабдил Фрунзе рекомендательным письмом к столичному литератору Н. Ф. Анненскому, одному из редакторов весьма популярного в те годы журнала «Русское богатство», страницы ко-

торого украшали имена Короленко и Горького. С Анненским Сенчиковский в свое время отбывал административную ссылку в Нижнем Новгороде. Однажды Фрунзе и решился отправиться с письмом своего верненского доброжелателя. Так началось знакомство с кругами столичной интеллигенции, среди которой немало было деятелей либерального народничества. Но человека, уже верившего в то, что «самым передовым классом современного общества» является рабочий класс, желавшего слиться с ним, чтобы «жить его мыслями и надеждами, его борьбой», либеральное красноречие увлечь не могло.

Вскоре Михаил Васильевич стал появляться на рабочих окраинах, бывать в рабочих кружках, на сходках и митингах. В конце 1904 года значительное количество столичных рабочих оказалось под влиянием гапоновской агитации. Противостоять ей с успехом не всегда удавалось даже опытным партийным агитаторам. Случилось как-то схватиться с гапоновцами и Михаилу Фрунзе. Говорил горячо, убежденно, дельно. Так он попал в поле зрения пропагандистов-большевиков, потом познакомился с Н. Крыленко, Э. Эссеном, Д. Мануильским, С. Гусевым, уже знавшими В. И. Ленина. Двадцатилетний студент становится большевистским агитатором на Выборгской стороне.

Началась новая бурная полоса в жизни первокурсника политехнического института. Отныне он довольно часто пропускает лекции, хотя занятий в институте и не намерен бросать. Дел у него теперь много — надо побывать на Выборгской окраине, встретиться с нужными людьми на явках, вести работу и среди своих политехников.

Фрунзе принимает активное участие в студенческой демонстрации, которую жестоко разогнала

полиция. Были убитые и раненые, много арестованных. В полицейском участке оказался и Михаил Васильевич. Назвался чужим именем, и это его спасло. За арестом последовала лишь административная высылка из Петербурга. Но сюда он вскоре вновь возвращается, правда уже нелегально. Это было в начале января 1905 года.

А через несколько дней — 9 января — Фрунзе, как и другие большевики, по призыву столичного комитета партии участвовал в мирной демонстрации рабочих, был свидетелем зверской расправы.

НАПЕРЕКОР СМЕРТЯМ

Тяжело печатая шаги, гулко отдававшиеся в длинных тюремных коридорах, впереди всех твердой поступью хозяина шел мрачно-серьезный Гудима. Он только что получил новое — высокое и почетное в его глазах — назначение на пост начальника Владимирского централа.

Во Владимир его перевели из столицы, где он был помощником начальника петербургской пересыльной тюрьмы. На него чаще других поступали жалобы от заключенных, обличавших разнузданную жестокость тупого и бесчеловечного тюремщика.

Еще в Петербурге, получив назначение, Гудима наслышался о том, что политические во Владимирском централе забрали много «вольностей». Поговаривали и вообще о либеральном духе, царящем якобы даже среди тюремной администрации. Ничего, он со всем этим справится, рука у него твердая.

Даже сам губернатор Сазонов, охотно удостоивший Гудиму аудиенции, призвал к решительным действиям и крутым мерам, рекомендовал обратить

особое внимание на политических, при этом подчеркнул, что чрезвычайной бдительности требует некто по кличке Арсений, известный в округе агитатор.

— Из каких будет, позвольте осведомиться, сей агитаторишка? — привычно полюбопытствовал Гудима.

— Из петербургских студентов,— односложно и даже как бы с некоторым безразличием проговорил губернатор.

— С таким народом приходилось иметь дело,— живо отозвался тюремщик.

Губернатор наставительно внушал:

— Прошу помнить, опаснейший государственный преступник. Опаснейший! — повторил со значением Сазонов и после некоторого раздумья счел нужным добавить: — По всей видимости, на имеющем вскорости быть большом политическом процессе этот Арсений окажется центральной фигурой.

И сейчас, шагая по тюремным коридорам, заглядывая в вонючие камеры, Гудима продолжал задавать острастку подчиненным, начав еще у себя в кабинете, не выпуская из головы намерения сегодня же повидать политических, находившихся в этот час в тюремном дворе на прогулке, и в особенности взглянуть на зловредного агитатора Арсения.

Заключенные ходили группами, по двое и в одиночку, оживленно беседуя, улыбаясь друг другу, а кто-то вдруг даже расхохотался во все горло. И этот смех, беззаботный, безудержно веселый, взбесил Гудиму. «Значит, им тут так весело, может, они анекдоты друг другу рассказывают, забавляются?» — злорадно прикинул он про себя.

Гудима решительно шагнул вперед и гаркнул что было мочи:

— Смирно! Шапки долой!

Заключенные приостановились, подняли головы и дружно рассмеялись. Они смеялись весело, озорно, безбоязненно, их смешила тупость и нелепость этого солдафона. И Гудима, тупой и прямолинейный, каким-то образом постиг, что он этим людям совсем не страшен, что в их глазах он просто смешон и даже ничтожен. И это особенно уязвило его. Не помня себя от захлестнувшей ярости, он едва не бросился с кулаками на этих отчаянных людей, которыми ему предстояло повелевать. Что-то его удержало, но руками он все же замахал, и ногами затопал, и закричал:

— Да я вас запорю, в карцерах сгною!

Но угроза не только не образумила, а вызвала новый приступ веселья. Один храбрец выскочил из общей массы и, показывая на Гудиму пальцем, возопил:

— Ой, братцы, скажите мне, откуда это чучело явилось?

— Что?! — воскликнул разъяренный Гудима.— Мерзавцы, на колени!

Но и это не оборвало всеобщего веселья. Тогда Гудима, ища опоры, обернулся к сопровождающим и приказал:

— Солдат. Живо!

Приказание мгновенно было исполнено. Багровый Гудима, тяжело отдуваясь, гневно продолжал:

— Я вам покажу бунты и неповиновения. Распустили вас. На колени!

С появлением солдат заключенные притихли, но последнего приказания никто исполнять и не собирался.

Едва только солдаты построились, Гудима скомандовал:

— Ружья на прицел!

Поднялись стволы, перед глазами заключенных

закачались черные глазки винтовок, защелкали затворы. Дело принимало нешуточный оборот. По свирепому виду нового начальника ясно стало, что он в ярости готов на все. Толпа заключенных замерла, какое-то мгновение затаилась в напряженном ожидании, а потом вдруг будто по чьему-то тайному знаку бросилась врассыпную.

На опустевшем дворе остался лишь один заключенный. Был он невысок, белолиц, глаза его, тронутые синевой, глядели даже приветливо, но твердо. Он стоял, выставив вперед ногу, прямо глядя на едва приметно покачивавшиеся стволы, на солдат, приложившихся к прикладам, на багроволицего Гудиму, на тех, кто толпился возле него. И во всей подобранной фигуре этого ладного, видно по всему очень решительного, человека не было ничего наигранного, а была та твердость, которая не позволяет надеяться на отступление. Такой человек способен или умереть или победить.

Гудима сначала с изумлением смотрел на этого молоденького и нежнолицего паренька, которого можно уложить одним ударом увесистого кулака, но который так бесстрашно стоял один перед шеренгой целившихся в него солдат. Потом он удивился твердости и решительности ладного человека. Эта твердость и решительность внезапно укротили ярость Гудимы. В изумлении он хрипловато выдавил:

— Кто это будет?

— Арсений,— незамедлительно подсказали из свиты.

— А-а-а,— растерянно протянул Гудима и поспешно добавил: — В этого не стрелять.

Итак, что же успел сделать большевистский агитатор Арсений?..

...В первой половине февраля Михаил подал в институт прошение об освобождении его от занятий до начала следующего учебного года. Товарищи из партийного комитета настояли, чтобы он поскорее покинул Петербург. Оставаться на виду у властей, охотившихся за участниками январских событий, было опасно. Получив отпуск, он отправился по городам юга и центра страны с ответственным партийным поручением — агитировать за созыв III съезда РСДРП. Он побывал тогда в Екатеринославе, Ливнах, Петровске, во Владимире.

Завершив поездку, Фрунзе сделал попытку обосноваться в Москве. Однако и здесь аресты не были редкостью. Его решили направить в Иваново-Вознесенский промышленный район на подкрепление к старому подпольщику Ф. А. Афанасьеву, известному в партийных кругах по кличке Отец. Революционное движение рабочих в Иваново-Вознесенском крае заметно нарастало, и в пропагандистах и организаторах испытывалась большая нужда.

По приезде в Иваново-Вознесенск Фрунзе включился в подготовку грандиозной стачки текстильщиков. Он действовал под кличкой Трифоныч. И это надолго сбило со следа полицию. Трифоныч в те годы по виду походил на молодого слесаря: одет в темную рубашку-косоворотку, на плечи накинут поношенный пиджак. Пробивающиеся усы придавали возмужалость простому красивому лицу.

За неделю, оставшуюся до начала знаменитой майской стачки, Трифоныч получил задание подготовить из рабочей среды агитаторов, способных поднять на борьбу массы. О том, насколько успешно была проделана эта работа, можно судить по тому, что в первый же день забастовки, 12 мая 1905 года, в Иваново-Вознесенске оставили работу десятки ты-

сяч текстильщиков, а на другой день к ним присоединились рабочие других предприятий города.

Газета «Пролетарий» 17 мая опубликовала из Иваново-Вознесенска следующую корреспонденцию: «У нас творятся небывалые дела. В 1 час 12 мая стали 4 фабрики: Бакулина, Бурылина, Никанора Дербенева и Маракушева. К вечеру стали решительно все фабрики. К утру побросали работу заводы, железнодорожное депо, типографии Ильинского, Соколова и других, бросили работу ремесленники, землекопы — остановилась вся рабочая жизнь, закрылись магазины. С утра 13-го, насколько глаз хватал, перед управой была переполнена площадь: ждали главного фабричного инспектора. Требования рабочими были представлены еще раньше по отдельности каждой фабрикой: везде подавалась бумажка с 27 гектографированными требованиями, изданная Иваново-Вознесенской группой Северного комитета нашей партии. Требования эти, под руководством группы, были выработаны 9 мая в лесу 50 рабочими со всех фабрик, где была решена всеобщая забастовка».

Майская стачка в Иваново-Вознесенске с самого начала фактически стала всеобщей. С каждым днем она набирала силу, рабочие демонстрировали такую сплоченность и организованность, что перед этим оказались растерянными не только предприниматели, а и власти.

В ходе стачки родился Совет уполномоченных. Это был первый в России Совет рабочих депутатов. Он не только руководил действиями стачечников, не только предъявил предпринимателям единые требования бастующих, но и взял под контроль почти всю жизнь в городе. Совет уполномоченных, в частности, ввел на время забастовки «сухой закон», запретил

бесчинства и беспорядки, создал рабочую милицию.

На реке Талке, традиционном месте сбора рабочих Иваново-Вознесенска, был организован так называемый «вольный социологический университет», где для бастующих регулярно читались лекции по политическим вопросам. Душой «университета» стал Трифоныч — Фрунзе. Партийная организация начала выпускать информационный бюллетень, в котором велась хроника стачечной борьбы. Фрунзе сделался автором и редактором этого издания.

Действия местных властей были парализованы Советом уполномоченных. Даже владимирский губернатор Леонтьев, вынужденный из-за бурных событий переселиться на время в Иваново-Вознесенск, в донесении министру внутренних дел признавался в своем полном бессилии перед лицом хорошо организованных стачечников.

Во время забастовки Фрунзе проявил себя не только как талантливый пропагандист, но и как боевой организатор масс. Ему принадлежит основная роль в создании и вооружении рабочих дружин. В «ситцевый край» из Москвы он заявился не с пустыми руками — привез оружие и литературу. Создавая отряды рабочей обороны, а по существу рабочей милиции, Фрунзе видел в них прообраз будущей армии народа. В уставе народных дружин, который он написал, об этом так прямо и говорилось: «Боевая дружина формируется прежде всего для того, чтобы служить ядром будущей революционной армии восставшего народа». Документ этот весьма любопытен с точки зрения самого сжатого выражения идей строительства народной армии, которым Фрунзе потом придется заниматься вплотную.

Стачка продолжалась семьдесят два дня. Ивано-

во-вознесенские текстильщики продержались на один день дольше парижских коммунаров. И хотя стачка закончилась лишь частичным удовлетворением экономических требований рабочих, политическое ее значение было огромно. Для каждого ее участника, для руководителей же в особенности, она явилась большой политической школой.

Длительное время предприниматели пытались игнорировать Совет уполномоченных депутатов, настаивали на переговорах лишь с рабочими своих предприятий, отвергали коллективные требования. Когда это им не удалось, фабриканты сами выработали коллективные условия, на которых должна быть прекращена забастовка, шли только на минимальные уступки.

Для переговоров с рабочими хозяева уполномочивали то весьма изворотливых представителей фабричной администрации, то чиновников городской управы, прибегавших к различным хитростям и уловкам. Рабочие депутаты, руководимые подпольщиками, разгадывали маневры врагов.

Тогда фабриканты объявили локаут, составили черные списки на наиболее активных участников забастовки. Наконец, зная, что рабочие и их семьи терпят невероятные лишения, находятся на грани голода, предприниматели потребовали при возвращении на работу подписания каждым бастующим особых обязательств.

Это заставило организаторов стачки действовать гибко, осмотрительно, дальновидно, проводить в процессе нелегкой борьбы массу практических мероприятий, облегчавших положение рабочих, разрабатывать и менять тактику.

В бурные дни стачки Михаил Фрунзе вырос в проницательного и отважного вожака рабочих. Именно

в это время он политически возмужал и закалился, раскрыв свои разнообразные дарования. На берегах Талки многотысячная масса увидела, какой это вдохновенный пропагандист и агитатор, его яркое слово способно зажигать сердца и поднимать на борьбу. На тайных собраниях Совета уполномоченных к мнению Трифоныча — Фрунзе прислушивались особенно внимательно, он всесторонне оценивал складывающуюся обстановку. Молодой революционер писал листовки, вел хронику стачечной борьбы, был автором различных политических документов, проявил незаурядные способности партийного литератора.

Иваново-Вознесенская партийная организация в ходе стачки окрепла и выросла. Не случайно вскоре решением ЦК был создан Иваново-Вознесенский комитет РСДРП. В первый состав комитета вошли М. В. Фрунзе, Ф. А. Афанасьев, С. И. Балашов, И. Н. Уткин, Е. А. Дунаев, Ф. Н. Самойлов и другие.

После завершения стачки оставаться Фрунзе в Иваново-Вознесенске стало невозможно. По решению партийного комитета он переселился в Шую — один из важных рабочих центров «ситцевого края». Здесь ему предстояло возглавить всю революционную работу. Товарищи по подполью теперь называли его Арсением. В полиции он зарегистрировался как Иван Яковлевич Корягин, приказчик швейной фирмы «Зингер».

И сюда, в Шую, Фрунзе прибыл не с пустыми руками — с литературой и оружием. Начал свою деятельность с занятий в подпольных кружках рабочих. Позднее он вспоминал о той поре как о великом и незабвенном времени всеобщего энтузиазма и порыва.

Шуйские рабочие проявили огромный интерес к политическим знаниям — видимо, новый пропагандист-подпольщик им пришелся особенно по душе. Не-

смотря на усталость после продолжительного и тяжелого рабочего дня, они находили время и силы для посещения лекций, тайных собраний, митингов, на которых непременно выступал большевистский пропагандист Арсений. «И все это,— как отмечал Фрунзе,— проходило в обстановке постоянной опасности быть схваченными, избитыми и даже убитыми».

Но и в этой обстановке сам он действовал смело и широко, быстро освоился на новом месте, завоевал доверие. Сколотив первые рабочие кружки, занялся революционной агитацией сначала среди гимназистов, а затем и среди интеллигенции Шуи.

Для отпора полицейским вылазкам Михаил Васильевич создал боевые рабочие дружины, вооружал и обучал их. Несколько боевых операций, проведенных дружинниками, образумили полицейских, они начали остерегаться вооруженных рабочих.

Революционная волна с осени 1905 года повсеместно нарастала. В войне с Японией царизм терпел все новые и новые поражения, выступления против ненавистного самодержавия громом прокатывались по стране. После подавления стачки иваново-вознесенских рабочих, после временных отступлений в других городах снова крепла воля к борьбе. В октябре началась всеобщая стачка в Москве, послужившая как бы сигналом к действию. Вслед за ней забастовали питерские рабочие. Прекратили работу труженики Иваново-Вознесенска, а затем Кохмы и Шуи.

Как только в Иваново-Вознесенске вспыхнула новая забастовка, Фрунзе отправился туда. Он помог местным товарищам поднять на борьбу рабочих ряда предприятий. В Иванове против забастовщиков были брошены орды «черной сотни», признававшей единственный метод в борьбе с «крамольным элементом» — избиения, насилия, погромы. Жертвой разнузданных

«черносотенцев» стал руководитель иваново-вознесенских большевиков, один из старейших деятелей русского рабочего движения Ф. А. Афанасьев.

Для обуздания «черной сотни» Фрунзе привез из Шуи своих дружинников. После нескольких стычек с вооруженными боевиками «черная сотня» затаилась. Но полиция и жандармерия, подкрепленная казачеством, время от времени производила свирепые налеты и вылазки. Сам Фрунзе вместе с Бубновым и Волковым вскоре чуть не поплатились жизнью.

Попались они совершенно неожиданно. Шли по пустынной и темной дороге, увлеченно беседовали и совершенно не заметили, как перед ними словно из-под земли вырос конный разъезд полицейских и казаков. Бежать было поздно. Полицейские в последнее время свирепствовали беспощадно, могли подстрелить, а то и убить. Кровавые расправы стали обычным делом. Тут же обыскали. У одного нашли маузер и какие-то бумаги, у другого пистолет, у третьего — прокламации.

Полицейский надзиратель внимательно оглядел всех троих, задержал взгляд на белолицем, ладно сбитом пареньке в студенческой тужурке, у которого только что отобрали маузер и бумаги с листком «К иваново-вознесенским рабочим». Тот не отвернулся, не сморгнул под тяжелым взглядом надзирателя. И это надзирателю не понравилось. Он поморщился и сердито проговорил:

— Энтого, белобрысого, ведите на аркане. Да смотрите, чтобы не убег.

Полицейский подумал, помолчал и добавил:

— И остальных тоже на аркане тяните. Нечего с ними церемониться.

Сначала это показалось тупой шуткой (чего требовать от полицейского!). Но ближайший казак хлест-

нул плеткой румяного паренька и набросил ему на шею приторочённый к уздечке аркан.

Студент все еще не верил, что такое издевательство возможно. Ведь он не оказывает никакого сопротивления и не отказывается идти в сопровождении конвойных, хотя ему этого и очень не хотелось бы. Особенно сейчас, когда дел невпроворот.

Раздумывать долго не пришлось. Казак огрел плеткой коня и погнал рысью. Чтобы не задохнуться, пришлось обеими руками ухватиться за петлю. Заарканенный студент, как и его товарищи, вынужден был бежать за лошадью. Но он не поспевал за ней, спотыкался, падал. Казаки — теперь стало заметно, что они пьяны,— осыпали его грубой бранью, кричали, подгоняли ударами.

Возле ближайшей изгороди казак остановился и предложил заарканенному залезть на нее. Может быть, затем, чтобы студент мог потом забраться на лошадь? Ведь уже хватит, помучили. Но как только студент залез на изгородь, еще даже не выпрямился на ней, казак стеганул плеткой лошадь, и она рванула с места, как ошалелая. Студент повалился, застрял ногами в изгороди. Лошадь дергала, а он не мог высвободить ноги. Резкая боль в коленной чашечке и треск сухого дерева — последнее, что почувствовал и услышал студент, теряя сознание...

Дальнейшие события описаны арестованными в официальном протесте, который они несколько дней спустя подали товарищу прокурора Владимирского окружного суда.

«29-го октября с. г. вечером, мы, нижеподписавшиеся, были задержаны нарядом полицейских с казаками и приведены на чембурах[1] в Ямскую аре-

---

[1] арканах.— *Ред.*

стантскую, где и подверглись истязанию со стороны ведших нас казаков и находившихся в арестантской городовых (не всех). Нас били перед входной в коридор дверью, в коридоре и в камере, причем били кулаками (всех), нагайками (всех), поленом (Фрунзе и Волкова), таскали за волосы (Бубнова), топтали и били ногами (Волкова и Бубнова).

Доведя все эти факты до вашего сведения, мы заявляем, что никакого сопротивления с нашей стороны не было, что господин надзиратель сидел в то время наверху и не мог не слышать криков истязуемых, но никаких мер для прекращения истязания не предпринял, и требуем расследовать это дело, подвергнуть виновных следуемому по закону наказанию...

Студент Санкт-Петербургского политехнического института Михаил Фрунзе, студент Московского сельскохозяйственного института Андрей Бубнов, мещанин гор. Иваново-Вознесенска Петр Волков».

После двухнедельного заключения Фрунзе выслали в Казань. Но там он не задержался, уж слишком горячее было время.

Стачечное движение в ряде мест перерастало в вооруженную борьбу. Самым крупным из них было декабрьское восстание в Москве. Оно вспыхнуло ярким пламенем и продемонстрировало решимость пролетариата в борьбе за свои права и освобождение. Но сил у восставших оказалось еще недостаточно — две тысячи плохо вооруженных дружинников противостояли пятнадцати тысячам пеших и конных солдат регулярной армии. Кроме того, очень скоро царское правительство послало на подавление восставших отборные полки из Петербурга, Твери, Западного края.

Положение на баррикадах Москвы стало критиче-

ским. И в этот момент на помощь восставшим с дружинниками Иваново-Вознесенска, Шуи, Кохмы двинулся Фрунзе. Он захватил паровоз и два вагона и во главе отряда вооруженных рабочих направился в Москву. Дружинники «ситцевого края» прибыли в самый разгар боев. Под руководством своего смелого вожака они храбро сражались на баррикадах Пресни и в других районах города и покинули его в числе последних.

Реакция торжествовала победу. Вести революционную работу после разгрома особенно тяжело. Но Фрунзе, вернувшись со своими дружинниками в Шую, продолжал работать упорно, настойчиво, неутомимо. Его оптимизм, его неустанная энергия, умение и в тяжелых условиях сохранять присутствие духа, вера в торжество правого дела снискали любовь друзей и товарищей.

На исходе зимы 1906 года большевики «ситцевого края» делегировали Михаила Васильевича на IV (Объединительный) съезд РСДРП в Стокгольм. Поездка на съезд оказалась не только памятной на всю жизнь, но и новой важной ступенью революционного мужания молодого, хотя уже и достаточно закаленного революционера. Общение с представителями различных партийных организаций страны, схватки с меньшевиками, встречи с Н. К. Крупской, начавшиеся еще в Петербурге, и с В. И. Лениным, многократно выступавшим на съезде, глубоко и ярко обосновывавшим теоретические и практические вопросы революционного движения,— все это послужило для Фрунзе своеобразным революционным университетом.

IV съезд партии проходил в страстных теоретических спорах, политических дискуссиях с меньшевиками и другими группировками.

В пору бурного революционного подъема 1905 года партия численно быстро выросла. Молодые члены партии подчас не делали четкого различия между большевиками и меньшевиками, не всегда ясно понимали стоящие перед ними задачи, практику революционного движения. Такое положение, естественно, ослабляло партию. Кроме того, наряду с большевиками и меньшевиками, существовали Социал-демократия Польши и Литвы, Латышская социал-демократическая рабочая партия и другие социал-демократические организации. Они часто действовали обособленно, по-своему формулировали политическую платформу.

Между тем обстановка в стране требовала единства и сплоченности, а для этого необходимо было договориться по основным программным и тактическим вопросам. Хотя IV съезд и не выполнил полностью своей задачи (этому помешало засилье меньшевиков), выступления В. И. Ленина по аграрному вопросу, текущему моменту и классовым задачам пролетариата, об отношении к Государственной думе имели огромное значение в дальнейшем развитии марксистской мысли, произвели на делегатов неизгладимое впечатление.

Все, что Фрунзе услышал на съезде, явилось для него подлинной политической школой и пригодилось потом в партийной работе. На стокгольмском съезде осуществилась его заветная мечта — он познакомился с В. И. Лениным, беседовал с ним и проникся к нему глубочайшим уважением.

— Другого такого нет,— сказал в кругу товарищей Фрунзе.— Сейчас Владимира Ильича знает подавляющее большинство сознательных рабочих, он стал знаменем нашей революционной борьбы. А посмотрите, как верно и глубоко понимает он всю об-

становку на местах и наши насущные задачи. Ведь его призыв к вооруженному восстанию вытекает из требований самих масс,— разве мы не знаем, как рвутся рабочие в схватку с самодержавием, чтобы разгромить его до конца. «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой» — это не только песня, это клич к победе.

Однажды Владимир Ильич прогуливался с рабочими — делегатами съезда и расспрашивал их об организации забастовочной борьбы, о боевых дружинах, интересовался настроениями рабочих, говорил о привлечении молодежи в революционное движение. Всех удивило, как хорошо информирован Ленин о положении на местах. В частности, он был знаком с ходом стачки иваново-вознесенских текстильщиков, знал о первом Совете рабочих депутатов, ему было известно о зверском убийстве черносотенцами замечательных большевиков Ф. А. Афанасьева и О. М. Генкиной. Располагал Владимир Ильич сведениями и о том, что Фрунзе во главе шуйских боевиков сражался на баррикадах Красной Пресни.

Во время беседы Ленин обратился к Фрунзе:

— Давно хотел узнать у вас, товарищ Арсений. как это вам удалось в разгар забастовки создать рабочий университет на реке Талка? Что же вы там изучали?

— Рабочий университет — это очень громко сказано, Владимир Ильич. Просто время было горячее, нам не хватало агитаторов, вот мы и решили подготовить их сами. В нашем Совете рабочих депутатов были представители со всех фабрик и заводов, и мы договорились с ними, что в дни заседаний Совета после обсуждения текущих дел будем еще проводить учебные занятия. Так на берегу реки Талка, где обычно собирался Совет, мы стали изучать с рабо-

чими марксизм, задачи рабочего движения и другие дисциплины. В этой своеобразной партийной школе мы подготовили около двухсот агитаторов, и это очень помогло нам в оживлении работы в массах. Какой же это университет?

Но Владимир Ильич отнесся к этому очень серьезно. Он долго расспрашивал Фрунзе, какие работы Маркса и Энгельса удалось изучить, были ли на занятиях споры, о чем спорили, принимали ли участие в работе школы женщины, молодежь. Затем сказал:

— Без научных знаний, и особенно без знания революционной теории, нельзя уверенно двигаться вперед. Если мы сумеем вооружить основную массу рабочих пониманием задач революции, мы победим наверняка, в кратчайшие исторические сроки и притом с наименьшими потерями[1].

Тогда же Владимир Ильич посоветовал Фрунзе глубже изучать военное дело, указал на то, что партии нужны свои военные специалисты. Михаил Васильевич запомнил этот совет на всю жизнь.

Возвратившись со съезда, он с новой силой берется за работу, объезжает обширный край, рассказывая об итогах съезда и боевых задачах движения.

Слежка за Фрунзе в это время особенно усилилась. Полицейские гоняются за ним буквально по пятам. Положение стало настолько опасным, что партийный комитет обязал Фрунзе скрыться и передохнуть. Во время ареста в октябре, когда его тащили за лошадью на аркане, он получил вывих коленной чашечки, которая теперь причиняла сильную боль при каждом резком и неосторожном движении. Все больше и больше давала себя чувствовать болезнь желудка. Подчиняясь решению партийного коми-

[1] См. *К. Е. Ворошилов*. Рассказы о жизни (Воспоминания). Книга первая. Политиздат, 1971, стр. 259—261.

тета, Михаил Васильевич отправился к старшему брату, врачевавшему в Казанской губернии.

После короткого отдыха он еще энергичнее берется за работу в Шуе и Иваново-Вознесенске. Вместе со старым и опытным партийным работником — Ольгой Афанасьевной Варенцовой Фрунзе подготавливает съезд партийных организаций «ситцевого края», на котором был оформлен Иваново-Вознесенский союз РСДРП. И снова разъезды, подбор и обучение низовых партийных организаторов и пропагандистов, занятия с дружинниками, рискованная экспроприация оружия. Снова кольцо преследователей сжимается вокруг него, все труднее и труднее становится уходить от наседающих врагов. Кажется, ареста не избежать.

И вот, чтобы сбить с толку полицию и уйти от настырной слежки, Михаил Васильевич по решению партийного комитета на два месяца уезжает в столицу для сдачи экзаменов в политехническом институте. С жадностью набрасывается он на книги. За два месяца подгоняет «хвосты» за первый курс и сдает экзамены за второй, третий и четвертый! Для этого пришлось заниматься с темна до темна. Крупные ученые отмечали выдающиеся способности Фрунзе, приглашали остаться на кафедре или в лаборатории. Но он, как только истек срок предоставленного отпуска, спешит вернуться к своей опасной работе, которая стала главным делом его жизни.

Уже тогда Фрунзе считал для себя превыше всего то, что связано с деятельностью партии. Впоследствии он скажет: «Если вы спросите старого большевика, что ему дороже и ближе всего на свете, то в 99 из 100 случаев вы услышите в ответ — партия».

Прекрасны были два месяца, проведенные в читальных залах и в университетских аудиториях. Но

разве можно их равнять с борьбой, с живым революционным действием?

Пока Фрунзе находился в столице, полиция разгромила две подпольные типографии. А время приспело горячее: начались выборы в Государственную думу. От рабочей курии баллотировался ткач Николай Жиделев. Если вся трудовая рать дружно отдаст за него голоса, то Жиделев пройдет.

Агитаторы, выступавшие на летучих митингах у проходных, агитировавшие по фабрикам, не знали отдыха. Сам Арсений выступал до хрипоты, до потери голоса. И все равно этого было недостаточно. Шуточное ли дело, охватить все фабрики и мастерские, весь рабочий люд! Тут в самый раз были бы четвертушки-листовки, написанные ясно, призывно, берущие прямо за душу. Их можно сунуть в карман, прочитать в укромном местечке, пораскинуть мозгами над прочитанным, передать товарищу.

Он очень сожалел о том, что организация лишилась в такой момент сразу двух типографий. «Полиция отняла, а мы что, лыком шиты? — мелькнуло у него.— У нас есть оружие, есть боевики. Так не отнять ли и нам?»

Эта мысль понравилась Арсению, и он начал раздумывать. И чем больше думал об этом, тем больше нравилась такая идея. Сначала грезилось подготовить налет и захватить оборудование, необходимое для устройства новой подпольной типографии. Но, поразмыслив еще, он решил, что с этим придется повременить. Листовки нужны немедленно, а на устройство типографии понадобится время. Лучше захватить типографию и успеть отпечатать в ней пятьсот — шестьсот листовок. Нет, тысячу!

Так родился план дерзкого налета на лучшую в городе типографию Лимонова...

Скоротечны январские сумерки. В считанные минуты ярко отпылала стылая заря. И вот уже густую синь вечера пятнают оранжевые квадраты подслеповатых окон обывательских домов и домишек. Ярче других светятся призрачным электрическим светом широченные окна типографии Лимонова. Она в центре города. Возле нее расхаживает постовой полицейский Шишко. Он громоздок и внушителен, как монумент. Одет тепло. Но мороз и его чувствительно прихватывает. Шишко то и дело гулко постукивает ногой об ногу и рукавицами время от времени хлопает словно хлопушками.

Небо обильно вызвездило. Млечный путь усеян блестками, будто просеянными зернышками. И каждое различимо в недоступной вышине.

Тихо течет над городом мирный морозный вечер. Прохожих становится все меньше. Жизнь замирает в холоде и тьме. Только в типографии Лимонова гулко грохочут печатные машины. И двери еще хлопают. Идут, стало быть, клиенты. В том нет ничего удивительного: процветающее предприятие.

В этот вечерний час только Лимонов успел щелкнуть крышечкой золотых часов, вспомнив, что обещал жене заехать в условленное время, в кабинет ввалилось сразу человек пять служащих во главе со старшим конторщиком. Лимонов замахал руками:

— Господа, господа, не могу, нет ни минуты времени. Я вас не приглашал, что за манеры... Я спешу...

И в этот момент из-за служащих вышел этакий молодец в барашковой шапке, сдвинутой на ухо, и суконном пальто, руки в карманах, и проговорил:

— Нельзя же все время спешить. На этот раз повремените, господин Лимонов. Посидите спокойно.

— Что все это значит, господа? — возвысил было голос хозяин, багровея от гнева. Но вдруг заметил в

дверях другого незнакомца в таком же черном суконном пальто, как и у того, который прошел вперед, остановился возле телефонного аппарата, желтым пятном выделявшегося на стене, и осекся, сообразив наконец, что к чему.

— Чем спокойнее, господа, будете вести себя, тем меньше мы вас задержим,— вежливо и даже учтиво объяснил тот, что стоял у телефонного аппарата. Он так и не вынул рук из карманов, поэтому неизвестно было — вооружен он или нет; лишь тот, что стоял в дверях, не опускал дула нагана, и от этого все чувствовали себя словно бы в легком ознобе.

А в типографии шла работа. Метранпаж Сидорыч, заранее предупрежденный о налете и о предстоящем срочном заказе, попросил Арсения нагнать на всех побольше страху, чтобы со стороны выглядело, как он выразился, определенно натурально. Разметив оригинал, метранпаж дал двум лучшим наборщикам набирать текст, аккуратно разорвав протянутую Арсением бумажку пополам. Потом Сидорыч сам вычитал оттиск, приказал в самом низу поставить пластинки с усиками, чтобы листовка выглядела попривлекательнее, заключил набор в форму и отдал печатать.

Все шло как нельзя лучше. И вдруг над входной дверью заверещал звонок. Это было неожиданно. Боевики, караулившие вход, тревожно переглянулись. Снаружи кто-то нервно дергал за ручку, и звонок захлебывался в ярости. Арсений поспешно выскочил из наборного цеха и прошипел:

— Отворите!

Дверь тут же приотворилась, и в облаке пара появилась румяная с мороза дама в мехах. Она блеснула гневным искристым взглядом. От неожиданности Фрунзе заговорил с ней по-французски:

— Ах, извините, мадам. Пожалуйте сюда.— Он указал ей, куда пройти, и даже, вежливо придержав за локоток, проводил до дверей кабинета хозяина.

Только войдя в кабинет и увидев в двери человека с наганом в руке, она поняла, что тут происходит. Старший конторщик уступил ей кресло, в котором сидел до сих пор, и она, опускаясь в него, привычно гневно глянула на Лимонова, как обычно виня во всем мужа. Тот в ответ лишь беспомощно развел руками, что должно было означать: обстоятельства на этот раз выше нас, милая...

А в цеху уже с характерным вздохом работала печатная машина, прокатывая оттиск за оттиском. Метранпаж справился у Арсения, сколько экземпляров печатать. Тот, перекрывая шум машины, весело крикнул ему:

— Тысячу, Сидорыч! Давай тысячу.

Подумал малость и добавил, крикнув старику в самое ухо:

— А еще лучше две!

Сидорыч согласно кивнул, прочитал свежий оттиск и дал его снова набрать, чтобы печатать одновременно и на другой машине.

Все дальнейшее произошло бы без осложнений, если бы в дело не вмешалась лошадь, оставленная у подъезда типографии мадам Лимоновой. Отличаясь беспокойным характером, как и ее хозяйка, лошадь отвязалась и шагнула на тротуар, перегородив его. Полицейский Шишко тут же заметил непорядок и привязал лошадь к столбу, укоротив повод, и направился в типографию, радуясь возможности обогреться и получить в награду положенный целковый.

Шишко надавил на дверь, но она оказалась запертой. Тогда полицейский дернул ручку звонка. Дверь приотворилась. И дальше произошло такое, о чем он

долго потом вспоминал, заливаясь жаркой волной, хотя всего как следует даже не уловил и не помнил. В память ему запало лишь, как сквозь клубы морозного пара на него нацелились черные зрачки сразу двух пистолетов, потом руки оказались скрученными назад, а во рту шершавый кляп, от которого забивало дыхание. А уж того, что он, при виде пистолетов, направленных на него в упор, так и сел на пол и зрачки у него побелели, а язык отказался повиноваться — всего этого он решительно не помнил.

Полицейского оттащили за ворот шинели от двери и, как куль, приткнули к стене в коридоре. Так он тут и просидел, не шелохнувшись, до самого конца, пока боевики не отпечатали две тысячи листовок, аккуратненько не связали их в несколько стопок и без лишнего шума не исчезли, растворяясь в плотной черноте глухого зимнего вечера...

Налет блестяще удался, но это всполошило полицию. Она еще больше усилила охоту за революционерами, и в особенности за Арсением, который время от времени осмеливался появляться на открытых собраниях даже в присутствии полицейских чинов. Полиция теперь знала Фрунзе в лицо и начала за ним форменную охоту.

Особенно усердствовал урядник Перлов. За поимку Арсения была назначена крупная награда. Перлов считал, что она у него в кармане. Он даже хвастался, что Арсений от него никуда не денется. Но взять Фрунзе было не так-то просто. Рабочие берегли его, надежно укрывали, а иногда и защищали грудью. Да и сам он готов был постоять за себя.

Как свидетельствуют очевидцы событий тех дней, Перлов с отрядом стражников рыскал с утра до вечера в поисках Арсения. И однажды Фрунзе не выдержал. Улучив момент, он вместе с одним из луч-

ших своих боевиков, Павлом Гусевым, решил раз и навсегда разделаться с ненавистным урядником. Два выстрела... Но — мимо. Перепуганная лошадь унесла Перлова. Партийный комитет осудил эту акцию и предложил Фрунзе переехать из Шуи в Родники.

Михаил Васильевич и сам осудил опрометчивый поступок, подчинился решению комитета, покинул так полюбившихся ему шуян. Возможно, все и обошлось бы, но в конце марта 1907 года он вынужден был вернуться по делам на день-другой в Шую, и тут его схватили выследившие полицейские. Фрунзе был вооружен. Он мог отстреливаться и имел шансы уйти. Но в перестрелке могли пострадать хозяева, у которых он остановился, их дети. Фрунзе кинул к ногам своих врагов два пистолета. И те свалили его, безоружного, зверски избили, скрутили ремнями.

Узнав об аресте Арсения, рабочие Шуи прекратили работу, осадили тюрьму. А. С. Бубнов, боевой соратник Фрунзе, так рассказывал об этом: «Рабочие массы чувствовали в нем своего родного человека, своего вождя, который связался с этой массой, с ее делом не на какой-либо временный срок, а на всю жизнь, до могилы. И рабочие массы любили Фрунзе и всегда защищали его, как могли, вплоть до того, что бросали станки и мастерские и подходили к тюрьме, окруженной щетиной стальных штыков царских солдат и жандармов, требуя освобождения своего вождя — товарища Арсения».

Но реакция чувствовала, что сила снова на ее стороне, и требование рабочих не было удовлетворено. Тогда группа депутатов Государственной думы во главе с Николаем Жиделевым направила протест владимирскому губернатору. Однако и это не возымело действия.

Незадолго до ареста Фрунзе избрали делегатом на V съезд РСДРП, и он должен был отправиться в Лондон. Вместо этого потянулись тягостные тюремные будни. Правда, Михаил Васильевич и в тяжелых условиях неволи продолжал действовать. Вот что об этом рассказывает подпольщик И. А. Козлов, сидевший тогда вместе с Фрунзе: «Среди заключенных велась политическая работа, организованная Арсением. В этом деле ему помогали студенты большевики Петр Караваев, Николай Соколов, Андронников, Растопчин и другие. Во время прогулок Арсений ухитрялся читать лекции. Помню его лекции о синдикализме и об аграрной программе РСДРП(б). Лекция о синдикализме была вызвана тем, что в связи с отходом буржуазной интеллигенции от революции среди некоторых рабочих имели влияние анархо-синдикалисты, которые призывали к созданию «чисто рабочих организаций без интеллигенции». Аграрной программой нашей партии интересовались крестьяне, попавшие в централ за участие в крестьянских восстаниях против помещиков.

В централе наряду с политической велась большая общеобразовательная учеба. Жажда знаний у нас, рабочих, была огромная. Хотелось знать все: и что на небе, и что под землей, откуда произошел человек, и как живут люди в разных странах. Мы хватались за одну книжку, за другую, за несколько книг сразу. Со всеми неясными, волнующими вопросами шли к Арсению, и он никому не отказывал, терпеливо выслушивал каждого, разъяснял, советовал, подбадривал».

А кроме того, Фрунзе в тюрьме сам много занимался, в частности изучал иностранные языки, философию, право, поддерживал тех, кто падал духом, наставлял, как следует вести себя на суде, он был

старостой среди заключенных и смело защищал их права.

Без малого год судебные власти готовили процесс. Фрунзе, как и его товарищ Павел Гусев, обвинялся в принадлежности к подпольной организации, ставящей своей целью насильственное свержение существующего строя, в причастности к действиям вооруженных дружин и в покушении на служителя охраны порядка. На суде Фрунзе держался очень стойко и сумел убедительно разрушить доказательства обвинения. Тогда дело направили на доследование и передали на рассмотрение военного суда. На этот раз, несмотря на явные передержки в доказательстве вины, приговор был предельно жестоким: «подвергнуть смертной казни через повешение».

Фрунзе и в этой обстановке проявил поразительное самообладание. От прошения о помиловании отказался. К удивлению тюремщиков, смертник потребовал самоучитель английского языка. В его камере появились книги по политической экономии, праву, томики Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Чернышевского, Мечникова, Байрона, Ибсена. Потребовал также фотографа — надо было отослать последний снимок матери.

А на воле началась борьба за его спасение. В защиту пламенного революционера выступили профессора и студенты политехнического института, адвокаты. Известный всей стране профессор М. Ковалевский вместе с историком Дьяконовым и правоведом Гамбаровым экстренно созвал ученый совет Петербургского политехнического института, на котором было принято решение: «Просить господина директора ходатайствовать перед господином командующим войсками Московского военного округа об оказании милосердия и дарования жизни г. Фрунзе».

Защита обратилась через газету «Слово» к депутатам Думы с призывом потребовать пересмотра дела Фрунзе. На эту публикацию обратил внимание В. Г. Короленко. В своей гневной статье «Черты военного правосудия», опубликованной в 1910 году в редактируемом им журнале «Русское богатство», он клеймил судебный произвол и царящую в стране атмосферу террора, когда «виселица не дремлет». Непосредственно о Фрунзе Короленко писал: «26 января 1909 года временный военный суд во Владимире приговорил М. В. Фрунзе к смертной казни за покушение на убийство урядника. Свидетель, оговоривший первоначально Фрунзе, затем дважды у следователя отказался от этого оговора, прямо заявив, что действовал под влиянием испуга (урядник доставил его из Шуи во Владимир на свой счет и лично привел его к прокурору Владимирского окружного суда). Целый ряд очевидцев удостоверил, что Фрунзе в течение трех дней (во время покушения) был в Москве. Защитник приговоренного уверен в судебной ошибке и обратился к депутатам с просьбой ходатайствовать о пересмотре дела... Что случилось потом с Фрунзе?»

Что случилось с Фрунзе? — этот тревожный вопрос задавали тогда многие, и в особенности рабочие Иваново-Вознесенска, Шуи. Вместе с тревогой ширилась и борьба в защиту Фрунзе.

Сам приговоренный особых надежд на спасение не питал, хотя и отчаянию не предавался. Спустя два месяца и десять дней после вынесения приговора, глубокой ночью, когда обычно уводят на казнь, у камеры смертников тюремщики загремели ключами и выкрикнули его имя...

Об этом эпизоде Михаил Васильевич оставил такое свидетельство: «Мы, смертники, обыкновенно не спали до пяти утра, чутко прислушиваясь к каждому

шороху после полуночи, то есть в часы, когда обыкновенно брали кого-нибудь и уводили вешать. 6-го апреля 1909 года... приходит надзиратель в камеру и говорит: «Фрунзе, в контору!» Это обычная шаблонная формула, с которой обращались к смертникам, приходя за ними. Конечно, у меня не было ни одной секунды сомнения, что меня ведут на казнь. До того как позвали, было мучительно. Теперь сама смерть была уже не так страшна. Я великолепно помню это состояние. Выхожу из камеры, кричу: «Товарищи, прощайте! Меня ведут повесить!» Помню невероятный шум тюрьмы. Приходим в тюремную канцелярию. Вдруг подходит адвокат и говорит: «Михаил Васильевич, приговор отменен». Я думаю: «Зачем человек обманывает меня, чего успокаивает? Я вовсе этого не хочу и нисколько этому не верю». Только когда стали снимать с меня кандалы, я понял, что могу еще жить».

Но и на этот раз дело не было прекращено, а направлено на пересмотр и доследование. Через три месяца Фрунзе получил новый обвинительный акт по делу Иваново-Вознесенского союза РСДРП. За то время, что он томился в тюрьме, было произведено несколько арестов. По новому делу обвинялось 38 человек, активных подпольщиков «ситцевого края». Власти стремились всех обвиняемых засудить как можно строже. Поэтому с подготовкой процесса не торопились. Дважды подсудимым вручалось обвинительное заключение. Суд начался лишь в феврале 1910 года, через год с лишним после того, как Фрунзе был вынесен смертный приговор.

И опять дело слушалось в военном суде. А это значило, что на какое-либо снисхождение рассчитывать не приходилось. Фрунзе и его друзья отлично понимали, какая опять нависла угроза.

По делу «тридцати восьми» Фрунзе приговорили к четырем годам каторги. Но ему предстояло еще предстать перед военным судом, который должен был вновь слушать дело о покушении на урядника Перлова.

Защиту взял на себя сочувственно относившийся к революционерам адвокат Б. М. Овчинников, уже однажды добившийся отмены смертного приговора, вынесенного Фрунзе и Павлу Гусеву. Основные обвинения были убедительно опровергнуты и в ходе данного слушания, но суд снова приговорил Фрунзе и Гусева к смертной казни через повешение.

Повторный смертный приговор вызвал возмущение передовой общественности. Однако надежд на спасение стало еще меньше, чем раньше.

О том, как вел себя Михаил Васильевич после вынесения ему повторного смертного приговора, трогательно рассказал адвокат Овчинников. «Бесстрашное мужество Фрунзе было прежде всего спокойным... Маленький штрих: целых два месяца Фрунзе после второго смертного приговора просидел в камере смертников, ожидая, может быть, при каждом рассвете стука в дверь. Трудно было... передать через эти глухие стены утлую весть надежды и ободрение. И за эти два месяца Фрунзе не поседел, не сошел с ума, а... изучал итальянский язык. Притом с ограниченными пособиями: в камеру разрешили передать две библии — на русском и итальянском языке. Узник загрузил свое время и внимание сложным процессом сравнительного изучения, выводя из «священного текста», при знании уже латинского и французского, грамматические и синтаксические правила итальянского языка вместе с богатым знанием слов...»

Как бы ни был мужествен и стоек человек, а два смертных приговора подряд могут сломить даже

самого сильного. Два месяца в камере смертников по ночам гремели засовы и кого-то уводили на казнь.

Два месяца мучительного ожидания самого страшного. Нервы были натянуты до предела. И даже для Фрунзе эти дни едва не кончились трагически.

Никакой надежды на отмену смертного приговора он теперь не питал. Возможность побега исключалась полностью. И вот по всем приметам подошел роковой срок, наступила та последняя ночь, с окончанием которой предстояло распроститься с жизнью. А ведь прожито всего лишь двадцать пять лет! В последнюю минуту узник решает во что бы то ни стало вырваться из рук палачей, не дать себя повесить. Но как?.. Он надумал покончить с собой. Пусть смертельные враги обнаружат его холодный труп.

Внимательно обследовал камеру и к своему удовольствию (хотя какое уж тут может быть удовольствие, но Фрунзе так именно впоследствии и говорил — «к своему удовольствию») в углу печки обнаружил здоровенный гвоздь, какой и был нужен. Веревку можно приготовить из простыни. Он уже оторвал несколько полосок и начал плести... Но в это время загремел замок.

Неужели так и не удастся миновать петли палача? К счастью, на пороге камеры оказался не палач, а адвокат Овчинников. Он принес благую весть — смертный приговор заменен шестью годами каторги.

К этому сроку приплюсовали еще те четыре года каторги, которые он получил по предыдущему процессу. Вышло десять лет в общей сложности. Срок наказания должен был закончиться в 1920 году.

Вряд ли кто-нибудь в 1910 году мог предположить, что на протяжении грядущего десятилетия в России произойдут такие перемены, которые в корне изменят весь уклад общественной жизни. Но Фрунзе

в это верил, он этим жил, твердо считал, что заря освобождения не так далека, как это кажется.

Однако, прежде чем увидеть эту зарю, ему предстояло пройти сквозь страшные годы, проведенные во Владимирском, Николаевском и Александровском централах. Не зря эти централы воспеты в тягостных песнях старых каторжан, тех, кто выходил оттуда живым. А выжить было очень и очень трудно. Там делалось все для того, чтобы человек не пережил срока заключения. А кому это и удавалось, тот волю встречал уже морально искалеченным и физически раздавленным.

Фрунзе, проявив огромную стойкость, выдержку, самообладание, вынес все нечеловеческие тяготы царской каторги. Позднее, когда подошел конец его пребывания в каторжных тюрьмах, он писал: «Я страшно рад, что к моменту освобождения не превратился в развалину. Правда, временами хвораю и даже сильно, но теперь в общем и целом чувствую себя совершенно здоровым».

Тяжелейшие испытания выпали на долю Фрунзе, но он не позволил себе пасть духом, его всегда видели собранным, энергичным. Он смотрел вперед с бодростью и надеждой. И постоянно трудился. «...Я ведь чем-чем только не был на каторге. Начал свою рабочую карьеру в качестве столяра, был затем садовником, огородником, а в настоящее время занимаюсь починкой водопровода, сигнализации и, кроме того, делаю ведра, кастрюли, чиню самовары и пр. Как видите, обладаю целым ворохом ремесленных знаний...»

Каторжный режим был тяжел для всех, но для Фрунзе — особенно. Михаил Васильевич не упускал случая постоять не только за себя, но и за своих товарищей. Поэтому он изведал и камеры смертников,

и одиночки, и карцеры. Не раз он выступал в качестве организатора сопротивления заключенных. Перед ним, перед его мужеством и бесстрашием неоднократно отступали самые свирепые тюремщики.

Каторга кончилась досрочно в связи с начавшейся мировой войной. За ней последовало вечное поселение в селе Манзурка Верхоленского уезда Иркутской губернии.

Политические дискуссии, споры стали здесь обычным делом среди поселенцев. Всем особенно нравились «военные обзоры», с которыми время от времени выступал М. В. Фрунзе. За глубокий и обстоятельный анализ хода военных действий на фронтах империалистической войны, за эрудицию в области военного дела его прозвали «военным министром».

Старейший член партии Ф. Н. Петров свидетельствует: «Почти каждый вечер мы собирались и читали газеты. Больше всего нас интересовало положение на фронте. Михаил Васильевич особенно внимательно следил за газетными сообщениями, отмечал на карте ход военных действий. Он умело анализировал обстановку на фронте и довольно часто предугадывал ход боевых операций.

Я сначала недоумевал: откуда у сына фельдшера, человека, не имеющего военного образования, такие познания в области военной стратегии и тактики? Рассказывая нам о боевых действиях, он делал обзор так интересно и глубоко, что его можно было слушать часами. Потом мне стало ясно: военные знания М. В. Фрунзе постоянно черпал из книг и закреплял их, обучая рабочие боевые дружины в годы первой русской революции».

Политическая деятельность в Манзурке приобрела такой размах, что об этом стало известно иркутским властям. Фрунзе и еще несколько человек были

арестованы, нависла угроза суда по законам военного времени, а в этом случае, возможно, и третьего смертного приговора. Михаил Васильевич решил бежать. Побег удался. Местные товарищи помогли ему устроиться на новом месте. Вскоре в Чите, в переселенческом управлении, появился новый статистик — по паспорту дворянин Владимир Григорьевич Василенко.

Он оказался очень инициативным, дельным работником, общительным и обаятельным человеком. Сослуживцы его сразу полюбили. Статистик разъезжал по Забайкальскому краю, знакомился с жизнью рабочих промышленных предприятий, завязывал связи. Поосмотревшись, он организует в Чите издание еженедельника «Восточное обозрение». Правда, власти очень скоро закрыли этот еженедельник за слишком прогрессивное, даже очевидно революционное направление. Началось выяснение подлинной личности Василенко.

Фрунзе давно уже подумывал о том, чтобы перебраться в центр России, поближе к волнующим событиям. Постоянное наблюдение властей ускорило его отъезд, сопряженный с большим риском. Но Михаил Васильевич, в каких бы тяжелых условиях ни оказывался, смело шел навстречу опасностям, когда это было необходимо. Никакой риск его не останавливал.

Перебравшись сначала в Москву, а затем в Петроград, Фрунзе сам вызвался отправиться в действующую армию, чтобы вести большевистскую агитацию среди солдат. Работа предстояла сверхопасная. Каждый неосторожный шаг, любая роковая случайность могли закончиться военно-полевым судом и виселицей или расстрелом.

Он действует на Западном фронте под именем Михаила Михайлова. Вместе с другими подпольщиками

создает здесь партийный центр. Снова слежка. И это естественно: чем активнее подполье, тем бдительнее стражи порядка. К тому же бежавшего Фрунзе и внезапно исчезнувшего Василенко по всей стране ищут жандармы.

Жить приходится в постоянном напряжении. Однажды происходит неожиданная встреча с провокатором, который знал Фрунзе еще по 1905—1907 годам. Несомненно, он не остановится перед тем, чтобы не раскрыть подлинное имя того, кто прикрывается документами Михайлова.

Провал кажется неминуемым. Избежать его удается лишь при содействии друзей, они устраивают Фрунзе в госпиталь. Но и здесь подозрительно часто появляются жандармы. По всему чувствуется, что власти, уже давно разыскивающие опасного государственного преступника, дважды приговоренного к смертной казни, отбывшего каторгу и осужденного на вечное поселение, наконец напали на верный след. Чтобы не искушать судьбу, Фрунзе уговаривает врачей выписать его из госпиталя досрочно и уезжает «на отдых».

Отдыхает Михаил Васильевич в рязанской глуши, на отдаленном хуторе. Сюда его устроила большевичка А. А. Додонова, год назад принимавшая активное участие в добывании ему документов на имя М. А. Михайлова. Перед отъездом в деревню Фрунзе накупил в Москве книг по философии, биологии, литературе, искусству...

Это были счастливые для него дни. Редко, слишком редко ему доводилось вот так отдыхать, наслаждаться свободой.

Упоительны были занятия в тиши, чтение вволю и прогулки по заснеженным окрестностям, по ближним полям и перелескам, иногда с ружьем, а иной

раз и просто так, с единственным желанием надышаться свежим воздухом, полюбоваться незатейливой среднерусской природой, в которой есть неброская, но успокоительная красота. Фрунзе быстро поправился, заметно посвежел.

Но удивительно скоротечно пронесся месяц деревенского покоя! И вот со всем этим надо было прощаться. Подошла пора ехать в Минск, снова приступать к рискованной, но столь необходимой для дела революции работе.

Припомнив как-то, сколько же за одиннадцать лет тяжелейшего подполья выпало на его долю страшного и мучительного, как он выстоял наперекор смертям, Фрунзе в присутствии А. А. Додоновой сказал:

— Неужели же мне еще раз придется лишиться свободы и еще раз пережить все эти мучения?!

Опасность была велика. Но она, как и всегда, не могла его остановить. Тем более что политическая обстановка в стране все больше обострялась, революционная волна нарастала и надлежало действовать еще активнее, настойчивее. Близко, близко революция! Ее дыхание чувствуется во всем. Поэтому как ни опасно, а ехать непременно надо.

Фрунзе покидал рязанское приволье в самый канун исторического 1917 года...

ВЕЛИКОЕ СВЕРШЕНИЕ

Начало марта выдалось сырым и ненастным. Редко-редко голубело небо, но весна набирала силу. Влажный и теплый ветер приносил ласковое дыхание юга, снега делались водянистыми и рыхлыми; казалось, еще неделька-другая и все двинется в неудержимом весеннем половодье, потечет, загомонит ручьями, мощными потоками, бурливыми водоворо-

тами, безостановочно хлынет, сметая и круша все на своем пути, очищая мир от старой грязи. Хоть и мокро и промозгло — уже несколько дней идет снег с дождем,— а на сердце все равно радостно.

Да и как не радоваться, ведь свершилось великое — то, чего ждали. Не просто ждали — жаждали все мечтавшие о светлом будущем. Свершилась революция! Это слово слышно теперь повсюду, оно почти у каждого на устах. Еще недавно строго запретное, оно произносится открыто, с упоением, ликованием.

— Да здравствует революция!!! — гремит на митингах и собраниях. Ее славят на красных полотнищах, на знаменах, что реют над головами шествующих в стихийно возникающих демонстрациях.

В Минск революция пришла с некоторым опозданием. В последних числах февраля газеты сюда не доставлялись. Слухи долетали самые разноречивые, сегодня одно, завтра совсем другое. Прифронтовая полоса жила напряженным ожиданием. Развитие событий волновало тех, кто ждал свободы и революции, и тревожило тех, кто готов был задушить и то и другое, все повернуть вспять. И длилось напряженное ожидание до 1 марта, когда телеграф принес сообщение об отречении Николая II от престола.

Вот тогда-то и забурлило в Минске народное море, загремело шествиями, митингами, демонстрациями, собраниями. И полились речи... Сколько же вдруг объявилось политических ораторов! Их словно прорвало. И тот, кто меньше всего хотел действительно революционных перемен, тот цветистее, громче и длиннее говорил о свободе и революции.

На подмогу местным политиканам ринулись столичные мастера завораживающих речей. Уже 3 марта в Минске объявились военный министр Временно-

го буржуазного правительства Гучков и член Государственной думы Щепкин. Это деятели крупного калибра. А сколько тех, что поменьше! И все приветствуют революцию, славят свободу, но не очень торопятся что-либо делать.

Фрунзе, как и многие большевики ленинской закалки, твердо знал: революция — это не красивые слова, а действие, активное, дальновидное и решительное. И он действовал в те дни и позднее с поразительной энергией, великолепно зная, чего следует добиваться, что необходимо в первую очередь и что главное, чего упустить нельзя, испытывая при этом необыкновенный душевный подъем.

Уже вечером 1 марта Фрунзе созывает срочное совещание большевиков Минска и представителей 3-й и 10-й армий Западного фронта, на котором принимается решение без промедления создать Советы рабочих и солдатских депутатов. Этим органам подлинно народной воли должна принадлежать власть, им надлежит возглавить всю дальнейшую борьбу.

Следующие два дня Михаил Васильевич работает над формированием состава Советов. Необходимо спешить, ведь не меланхолическая «охота к перемене мест» гонит сюда Гучкова, Щепкина и прочих доверенных лиц Временного правительства. Яснее ясного, что к власти тянутся отовсюду жадные руки. Убаюкивая речами о свободе, прожженные политиканы заносят над народом железный кулак власти.

4 марта созывается легальное собрание большевиков. Фрунзе выступает на нем с докладом о текущем моменте. Сил у местных большевиков пока недостаточно, и это еще больше обязывает действовать активнее, решительнее, напористее. Минские большевики сплоченной группой выходят на общее собрание с другими партиями, принимающими участие в фор-

мировании органа народной власти. Поначалу создаются отдельно Совет рабочих и Совет солдатских депутатов. Несколько позднее они объединятся. На первых порах в Минском Совете преобладают меньшевики и эсеры, но крепкое большевистское ядро во главе с Фрунзе, Мясниковым, Любимовым, Могилевским терпеливо ведет разъяснительную работу.

По инициативе большевиков Совет сразу же, как только он был сформирован, принимает решение издавать газету «Известия Минского Совета рабочих и солдатских депутатов». В числе ее редакторов — Фрунзе и Мясников. Они не только редактируют газету, но и выступают в ней со статьями, со страстным словом большевистской правды. По предложению большевиков Совет постановляет немедленно избрать в воинских частях солдатские комитеты, на предприятиях — фабрично-заводские комитеты, в сельской местности — волостные и уездные крестьянские комитеты.

Совет создает народную милицию. Начальником ее утверждается Фрунзе. Своим заместителем он назначил большевика Гамбурга, которого хорошо знал еще по ссылке в Манзурке.

На исходе первого же дня существования народной милиции Фрунзе проводит решительные операции. В ночь на 6 марта он во главе вооруженного отряда отправляется в городскую тюрьму и освобождает политических заключенных, часть из которых вливается в милицию. Затем отряд занимает жандармское управление. Войдя в кабинет начальника жандармерии, Фрунзе приказывает:

— Сдайте оружие и следуйте за мной.

Тот покорно кладет на стол пистолет, отстегивает шашку. Михаил Васильевич невольно улыбается: сколько раз ему самому приходилось слышать такой

приказ, а теперь вот он берет под стражу одного из царских сатрапов.

Милиционеры, обыскивая помещение жандармерии, обнаруживают подписанный градоначальником бароном Рауш фон Траубенбергом приказ об аресте Михайлова — Фрунзе. Все-таки сыскная служба в конце концов докопалась. Фрунзе пробегает глазами по бумажке, аккуратно свертывает ее и замечает:

— Опоздали, господа...

Вслед за жандармерией разоружается полиция. Багроволицый полицмейстер, складывая оружие, в раздражении выкрикивает:

— Если бы вы, господин начальник, сегодня не обезоружили меня, я бы вас завтра арестовал.

— Что ж, как говорится, всякому овощу свое время. Теперь ваш черед лезть в кузов, то бишь в кутузку,— отшутился Фрунзе.

К утру милиция заняла полицейские участки, правительственные учреждения, почту, телеграф. Горожане увидели на улицах милиционеров с красными нарукавными повязками. Новых стражей порядка бурно приветствовали, их обнимали. Нарасхват раскупались в то утро «Известия Минского Совета» с информацией о последних событиях.

Фрунзе действовал целиком в духе ленинских положений, изложенных в первом «Письме из далека», опубликованном в мартовских номерах «Правды». В. И. Ленин со всей определенностью указывал:

«...Единственная *гарантия* свободы и разрушения царизма до конца есть *вооружение пролетариата*, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих депутатов.

Все остальное — фраза и ложь, самообман политиканов либерального и радикального лагеря, мошенническая проделка.

Помогите вооружению рабочих или хоть не мешайте этому делу — и свобода в России будет непобедима, монархия невосстановима, республика обеспечена.

Иначе Гучковы и Милюковы восстановят монархию и не выполнят *ничего,* ровнехонько ничего из обещанных ими «свобод». Обещаниями «кормили» народ и одурачивали рабочих все буржуазные политиканы во *всех* буржуазных революциях» [1].

Все для «укрепления, расширения, развития роли, значения, силы Совета рабочих депутатов». Фрунзе именно так и поступал. Благодаря этому Минский Совет стал центром революционного движения во всем Западном крае.

Что касается милиции, то она под руководством Фрунзе становится надежной вооруженной опорой подлинно демократических и революционных сил. Особое внимание уделялось ее комплектованию, подбору тех, кому вручалось оружие. Принимались только проверенные люди, по рекомендации общественных организаций и учреждений. Помимо кадрового состава были созданы подразделения резервных милиционеров, они действовали в тесном контакте с рабочими дружинами.

Милиция навела в городе революционный порядок. Она охраняла первые завоевания революции — свободу слова, собраний, печати, взяла под контроль производство и распределение продуктов, решительно боролась с бандитизмом и грабежами, со спекуляцией и нарушениями общественного порядка.

Всего этого Фрунзе добивается в жестокой борьбе с теми, кто стремился покончить с завоеваниями революции, кто все силы обрушивал против подлин-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 20.

ных представителей народа и защитников его интересов — большевиков. Не случайно комиссар Временного правительства в своем донесении министру внутренних дел жаловался: «Состояние милиции попрежнему неудовлетворительно... Успешно работать с такой милицией, которая иногда оспаривает права над нею губернского комиссара, довольно трудно. Наблюдается это главным образом в Минске, где во главе милиции стоит большевик Михайлов».

Власть в Белоруссии, как и в других местах, в то время осуществлялась не только комиссаром Временного правительства. Наряду с Советом существовала еще и Дума, которой, в частности, должна была подчиняться милиция. Большинство в Думе принадлежало представителям буржуазии, либеральной интеллигенции, меньшевикам, эсерам. Фрунзе пришлось проявить исключительную политическую гибкость, чтобы выполнять распоряжения Совета, а не Думы. Не раз действия начальника милиции вызывают энергичные протесты в контрреволюционной Думе, а комиссар Временного правительства пытается освободить его от этой должности. Но Фрунзе неуклонно проводит линию в интересах народа.

Временное правительство особое внимание уделяет Западному фронту. Сюда то и дело прибывают его представители. В конце марта — начале апреля по фронту разъезжает англо-французская делегация. В солдатские окопы доставляются десятками пудов газеты, поддерживающие политику Временного правительства, различная пропагандистская литература.

Большое значение Западному фронту придают и большевики во главе с Фрунзе. Они принимают активное участие в подготовке съезда военных и рабочих депутатов армии и тыла. Большевистские организации теперь создаются уже не только в 3-й и

10-й армиях, а и в других частях. Империалистической агитации за продолжение войны большевики противопоставляют призыв за революционный выход из войны.

На съезд военных и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта не преминули явиться такие «киты» Временного правительства, как Родзянко, Чхеидзе, Церетели, Скобелев, Родичев, Гвоздев, военные делегации Англии и Франции. Опытные демагоги выступили с пространными речами.

Большевики, оказавшиеся на съезде в меньшинстве, ведут напряженнейшую борьбу. На трибуну съезда неоднократно поднимается Фрунзе-Михайлов. В одном из газетных отчетов о его выступлении говорится: «Только большевистская партия — единственная и подлинная выразительница трудового народа, только ее политика может привести к удовлетворению требований революционных масс — таков был основной тезис выступления Михайлова».

За работой съезда в Минске следил В. И. Ленин и отозвался на него в статье «Война и временное правительство».

Помимо Фрунзе трибуну съезда использовали большевики Бадаев, Мясников, Любимов, Позерн. В своих выступлениях они разоблачали антинародную политику Временного правительства, содействовали революционному сплочению передовой части солдатских масс. Под их влиянием съезд призвал к единению с рабочими, к упрочению и расширению завоеваний революции. Вместе с тем преобладание меньшевиков, эсеров предопределило принятие соглашательских резолюций в духе поддержки Временного правительства.

Это заставило большевиков уделить еще больше внимания работе в частях Западного фронта. К фрон-

товикам выезжают Мясников, Фрунзе, Любимов, Позерн. Об одной из поездок Михаила Васильевича на Западный фронт в первых числах мая 1917 года сохранились весьма любопытные свидетельства.

Фрунзе прибыл в 55-ю дивизию, занимавшую один из самых боевых участков фронта. От немецких окопов ее отделяли каких-нибудь 50—60 метров. В результате агитации, которую провел среди солдат посланец большевиков, фронтовики решительно выступили против реакционного офицерства и начали организованное братание с немцами. Отважный агитатор сам ходил в окопы противника, вел большевистскую пропаганду среди немецких солдат, говорил с ними о том, как приблизить окончание войны и сбросить капиталистов.

Командир 55-й дивизии об этом, в частности, доносил: «Агитатор Михайлов ведет агитацию за организованное братание... и сегодня лично принимал участие в братании в 220-м полку. Братание распространилось и на 218-й полк, причем уговоры офицеров не действуют».

Такое донесение всполошило вышестоящее начальство. Командующий 3-й армией генерал Квецинский в свою очередь докладывал главнокомандующему фронтом и военному министру: «Прибывший в 55-ю дивизию агитатор Михайлов ведет агитацию среди солдат за недоверие к офицерам и за выборное начальство. На общем собрании 220-го полка вынесена резолюция: предложить всем офицерам подать в отставку и приступить к выборам других начальников. То же наблюдается и в других полках. Выехавшие туда члены армейского комитета воздействовать на солдат не могут».

Помимо этого, командующий потребовал от штаба фронта немедленно отозвать Михайлова, чтобы

приостановить разложение 55-й дивизии, которое, как он сообщал, уже перекинулось на 67-ю дивизию, где в одном из полков арестовали командира полка и нескольких офицеров. Получив такую депешу, начальник военно-политического отдела штаба фронта просит фронтовой комитет принять в самом спешном порядке меры к прекращению дальнейшего разложения 55-й дивизии, для чего предлагает немедленно выслать в ее район своих самых авторитетных агитаторов. Для них он предоставляет автомобиль штаба фронта.

Переполох, начатый из-за выступлений на передовой большевистского агитатора, взволновал главкома фронта. Он отдает приказ: «Арестовать Михайлова. В дивизию командировать членов армейского и фронтового комитетов. Если нужно, послать воинскую часть, привлечь артиллерию, действующую на фронте 55-й дивизии, и потребовать прекратить братание».

Но арестовать Михайлова не удалось. В ответ на приказ главкома из штаба 35-го корпуса донесли: «Агитатор Михайлов выехал из района 55-й дивизии неожиданно до прибытия в дивизию депутатов фронта. В штакоре нет сведений, на какую станцию (куда) он выехал».

Большевики Минска неустанно вели работу среди солдат Западного фронта, они в любой час суток принимали их представителей и в партийном комитете, и в Совете, и в редакции газеты. О том, какая обстановка царила в Минском комитете, как самозабвенно работали в те дни большевики, рассказал в своих воспоминаниях председатель Военно-революционного комитета 10-й армии Яркин: «Прибыв с маршевым батальоном на Западный фронт, во время стоянки в Минске я ночью направился в город, разыскал адрес

Минского комитета и явился для установления связи и получения указания. Когда я вошел в помещение комитета, то был удивлен, что в 4 часа ночи все бодрствовали и занимались какими-то важными делами. Меня встретил Михайлов (Фрунзе), который принял очень любезно, и, проверив мой партийный билет и удостоверение солдатской секции Петроградского комитета, дал мне ряд ценных указаний, ознакомил с директивами Минского комитета, которые были разосланы парторганизациям Западного фронта, и назвал лиц, с кем нужно встретиться в 10-й армии».

Возвращение В. И. Ленина из эмиграции оказало огромное влияние на весь дальнейший ход политической жизни в стране. Четкий и ясный план борьбы за переход от революции буржуазно-демократической к революции социалистической, изложенный в знаменитых Апрельских тезисах, мощным прожектором осветил перспективы развития революционного движения. Для Фрунзе ленинские указания явились основополагающими во всей его кипучей и напряженной деятельности тех дней.

Вместе с Мясниковым, Поповым, Фоминым, Кривошеиным, Могилевским он работает, не покладая рук над созданием сильной и многочисленной партийной организации. И вот результат: к июню 1917 года минская большевистская организация насчитывает уже свыше пятисот человек. Теперь ее влияние усиливается с каждым днем во фронтовых частях, на предприятиях, среди интеллигенции и крестьянства.

Вся работа ведется в духе указаний В. И. Ленина о необходимости привлечения на сторону пролетариата его естественных союзников, и прежде всего крестьянства.

К практическому решению этой одной из серьезнейших задач и приступил еще в марте 1917 года

М. В. Фрунзе. А уже в апреле в Белоруссии был создан крестьянский союз и Совет крестьянских депутатов. Первым председателем Минского комитета крестьянского союза был избран Михаил Васильевич, что указывает на его особую роль в создании новой организации. Созывается съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. Председателем съезда избирается опять же Фрунзе. Съезд доверяет ему пост председателя исполкома Совета крестьянских депутатов. Можно только поражаться кипучей энергии этого человека, разносторонности его деятельности.

О том, какое значение для роста революционного сознания крестьян и активизации их участия в революции имел проведенный съезд, можно судить по следующему документу. В начале мая помещик Г. Е. Чапский жалуется в губернский комиссариат: «Происходивший в последних числах апреля в Минске съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний вызвал своими резолюциями и постановлениями, усердно распространяемыми и пропагандируемыми во всем крае, аграрное движение и беспорядки... Крестьяне придают резолюциям съезда характер законов и осуществляют их, причем волостные общественные комитеты в своих постановлениях руководствуются постановлениями крестьянского съезда и игнорируют разъяснения Временного правительства».

Время летело быстро. Не успел оглянуться, как отшумело половодье, кончилась распутица, пришла зеленая весна с теплым и ароматным дыханием раннего цветения. Сразу же после празднования Дня освобожденного труда Фрунзе едет во главе представителей делегации белорусских селян в столицу на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

В Питер хотелось давно. Там обязательно будут встречи со старыми товарищами по подполью, возможно, доведется свидеться с кем-нибудь из ивановцев, а если очень повезет, то, может быть, там окажутся и шуяне. И конечно же на съезде удастся разузнать, что творится в других краях, разжиться опытом. Но самая большая и радостная надежда — увидеть Владимира Ильича Ленина, поговорить с ним. Даже не поговорить, а поглядеть на него — изменился ли со Стокгольма? — и послушать. Это радовало и наполняло нетерпением.

Съезд открылся 4 мая. Приехало более тысячи делегатов. Главу делегации белорусского крестьянства в числе других избрали в президиум. Поднимаясь на сцену, Михаил Васильевич заметил за председательским столом членов кабинета Временного правительства — Керенский, Чернов, Авксентьевский и еще кто-то. «Придется повоевать,— прикинул про себя Фрунзе, занимая место в президиуме.— Не так велика большевистская фракция, но с нами правда. Как говорится, сим победиши».

Настроение боевое, и оно крепло день ото дня. Слушая ораторов, делая пометки в блокноте, Михаил Васильевич готовился к выступлению. Ему не терпелось развеять демагогический туман, которого так много напустили ораторы, выступавшие с восхвалениями Временного правительства, разоблачить соглашательскую политику меньшевиков и эсеров, прикрывающихся революционными лозунгами.

Уже в дни работы съезда Керенский произвел перетасовку своего кабинета, предоставив портфели якобы истинным представителям народа. «Никакого доверия новому коалиционному правительству» — вот какую основную мысль проведет в своем выступлении Фрунзе.

Он должен был выступать 8 мая, конспект речи уже готов. Но накануне в печати появилось ленинское Открытое письмо делегатам съезда. Болезнь помешала Ленину присутствовать на съезде. В письме он коснулся «трех самых важных вопросов: о земле, о войне и об устройстве государства» [1].

Прочитав письмо, Михаил Васильевич забеспокоился и попытался поскорее разузнать, насколько опасно болен Ленин. Его заверили, что простуда и общее недомогание, видимо от переутомления, и твердо пообещали — Владимир Ильич непременно появится на съезде. Фрунзе хотел было перестроить выступление в духе Открытого письма, но времени для этого не оставалось, поэтому решил, что об аграрной политике Временного правительства скажет особо. Подготовит специальную речь. На съезде ораторы выступали по два и по три раза, а иные и больше. Это было в порядке вещей.

А 8 мая он вышел на трибуну с гневным разоблачением антинародной сущности Временного правительства, непредставительного характера его нового состава. Говорил резко, гневно, убедительно.

— Крестьянство не верило старому правительству, и я глубоко уверен, что оно и этому правительству верить не будет.

Услышав такое заявление, в президиуме возмущенно зашумели, зашикали, из зала несколько голосов подхватили: долой!

Но оратор, переждав шум, спокойно закончил речь и направился на свое место. Часть зала провожала его аплодисментами, другая — возмущенными криками и даже свистом.

Председательствующий позвонил и заявил, что

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 43.

фракция социалистов-революционеров вносит предложение о выводе оратора из состава президиума. В зале поднялся еще больший шум: «Значит, за неугодное правительству слово следует расправа? Не бывать этому!»

Съезд отверг эсеровское предложение.

Несколько дней спустя Фрунзе снова вышел на трибуну. На этот раз он говорил об аграрной политике Временного правительства и внес резолюцию о немедленной передаче земли в руки тех, кто ее обрабатывает. Против резолюции дружно выступили меньшевики и эсеры. Их стараниями она была отвергнута.

Борьба на съезде разгоралась с каждым днем. Меньшевики и эсеры наглели все больше, с трибуны звучали их грубые выпады по адресу большевиков. Представители большевистской фракции, в числе их и Фрунзе, не раз выступали с резким отпором.

Владимир Ильич поправился и дал знать, что готов выступить на съезде. Но президиум яростно воспротивился этому. Фракция большевиков заявила решительный протест. Фрунзе вел борьбу до тех пор, пока не было решено предоставить трибуну Ленину.

22 мая Владимир Ильич появился на съезде. Михаил Васильевич увидел его, когда тот показался в дальнем углу сцены. Дождавшись окончания речи оратора, Фрунзе попросил слово для внеочередного заявления и тут же ринулся к трибуне. Звонким голосом сообщил, что на съезде присутствует Владимир Ильич Ленин, предлагается предоставить ему слово без промедления. Зал отозвался аплодисментами, в которых потонули протестующие голоса.

Когда Ленин появился на трибуне, зал был пустоват. Но едва он начал говорить, из кулуаров потянулись люди.

Владимир Ильич зачитал резолюцию по аграрному вопросу и прокомментировал ее. Главное в ней — требование немедленной передачи земли крестьянству. Делегаты съезда, представители от крестьян-бедняков, всей душой желали этого и слушали речь вождя со вниманием. Многие надеялись, что предложенная Лениным резолюция, бьющая в самую что ни на есть точку, будет обязательно принята. Но как только Владимир Ильич покинул трибуну, к ней полезли эсеро-меньшевистские ораторы. Они произносили многословные речи, доказывали, что выдвигаемые большевиками требования преждевременны, оспаривали их.

В конце концов нужная резолюция не собрала необходимого количества голосов.

От этого у Фрунзе и у многих других делегатов остался горький осадок. Как-то в перерыве Михаилу Васильевичу удалось встретиться с Лениным. Хотя их беседа и была непродолжительна, поговорить они успели о многом: о ходе съезда, о делах в Белоруссии, вспомнили Стокгольм, подивились, как много с тех пор воды утекло. Владимир Ильич сообщил, что ивановские товарищи разыскивают своего Арсения и уже запрашивали о нем ЦК.

Беседа с Лениным всколыхнула в душе много воспоминаний. После нее Фрунзе решил безотлагательно разыскать кого-нибудь из представителей «ситцевого края». Ему повезло, довольно быстро наткнулся на солдата Борисова из Шуи. Солдата лично он не знал, но, как выяснилось, тот принадлежал к партии большевиков. Значит, свой, решил Фрунзе и начал одолевать расспросами. В разговоре замелькали знакомые обоим фамилии. О ком-то Борисов знал достаточно много, а о других даже и не слыхивал. Он дивился тому, что делегат из Белоруссии так хорошо

знает Шую, тамошние дела, многих людей. Однако спросить, откуда ему все это известно, не осмелился.

Съезд продолжал работу. Вдохновленные выступлением Ленина, большевистские делегаты еще решительнее продолжали отстаивать свою линию. При формировании состава Исполкома крестьянского союза меньшевики и эсеры сделали попытку нарушить принцип пропорционального представительства и протащить в руководящие органы в основном своих делегатов. Большевики тут дали жаркий бой своим противникам. И те отступили. Фрунзе оказался избранным в состав Исполкома и в редакционную комиссию съезда. Он должен был остаться редактировать принятые резолюции.

Делегаты разъехались. Михаил Васильевич хватился разыскивать солдата из Шуи, намереваясь передать с ним старым друзьям весточку о себе, а того и след простыл. Жаль, но что поделаешь?..

Случилось так, что делегат из Шуи крепко запомнил энергичного большевика. Рассказывая потом о работе съезда, он счел нужным упомянуть и о делегате из Белоруссии, который с таким пристрастием интересовался шуйскими делами и справлялся о многих шуянах и ивановцах. Это вызвало интерес у многих, кто слушал Борисова. Старый большевик А. И. Зайцев вспоминает, что делегат Шуи закончил рассказ о новом знакомом предположением:

«— По всему видно, что бывал в наших краях...

— Погоди, погоди,— встрепенулись «старики».— А какой он из себя? Не Арсений ли это?

Борисов описал наружность Михайлова, мы несказанно обрадовались. Уж очень был похож минский делегат на нашего Арсения.

Решили с ним связаться. Узнав, что Михайлов задержался в Петрограде редактировать резолюции

съезда, немедленно отправили ему телеграмму: «Если вы наш шуйский Арсений, то рабочие Шуи просят вас приехать».

Два дня только и разговоров было о загадочном Михайлове из Минска. И вот пришел ответ: «Я тот самый Арсений. Приеду».

Сразу все воспрянули духом. И работа пошла живее. Хотелось порадовать Арсения успехами «Шуйской республики».

Но дни шли, а Фрунзе все не приезжал. В Совете и партийном комитете забеспокоились: не случилось ли недоброе?»

Вернувшись из Петрограда в Белоруссию Фрунзе делает все, чтобы шире развернуть работу большевиков среди незаможных селян. Он организует издание «Крестьянской газеты», которую сам редактирует, подготавливает в июле созыв 2-го съезда сельских тружеников Белоруссии. Эсеры сделали попытку отстранить его от руководства съездом, на пост председателя они предложили своего кандидата. Но делегаты решительно воспротивились этому, дружно выступили в защиту верного заступника их интересов. Дело кончилось тем, что группа делегатов под аплодисменты зала на руках внесла Фрунзе в президиум и решительно настояла, чтобы он вел съезд.

Много было в те дни забот у большевиков. Массу новых вопросов и неотложных дел надо было решать. Только успевай поворачиваться. Но вряд ли не самой важной задачей того времени было укрепление сил пролетариата. Еще с весны в стране началось формирование отрядов Красной гвардии. И в Белоруссии с апреля создаются рабочие дружины и отряды красногвардейцев. К лету они вырастут в грозную силу.

В июне Временное правительство попыталось организовать на Западном фронте новое наступление.

Большевики, требовавшие мира, сделали все для того, чтобы сорвать военную авантюру. Фрунзе опять часто выезжает на передовую, бывает среди солдат, ведет и налаживает партийную работу в воинских частях. Истосковавшиеся по мирной жизни солдаты, распропагандированные большевиками, решительно отказываются наступать. Они создают тайные красногвардейские дружины, готовые вооруженной рукой поддержать народ в борьбе с наглеющей реакцией.

Конфликты с Временным правительством все обострялись и приняли хронический характер. В июле большевистская группа подготавливает выпуск газеты «Звезда». Редакторами ее становятся Фрунзе и Мясников. Менее чем за месяц своего существования газета так сильно прогневала Временное правительство, что Керенский отдал приказ о ее закрытии. А начальник штаба Западного фронта даже обратился к полевому военному прокурору с ходатайством о привлечении к судебной ответственности ее редакторов.

И вот комиссар Временного правительства отдает начальнику минской милиции приказ опечатать типографию, в которой выпускалась «Звезда», и конфисковать газету. Но Фрунзе послал в типографию надежных людей, они вывезли наборное оборудование и отпечатанные экземпляры газеты и только потом приступили к выполнению отданного комиссаром распоряжения. Одновременно по инициативе Михаила Васильевича общественные организации заявили комиссару Временного правительства решительный протест против преследования свободного органа печати.

Заваленный работой, Фрунзе сумел выбраться в Шую лишь 9 августа. Шуяне устроили Арсению восторженную встречу. На вокзале его ожидали толпы

Михаил Фрунзе в год окончания гимназии. 1904 год

М. В. Фрунзе (в центре) во время ссылки в селе Манзурке, Иркутской губернии

М. В. Фрунзе — командующий 4-й армией Восточного фронта. 1919 год

ЭКСТРЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА
ГАЗЕТЫ
„НАБАТ РЕВОЛЮЦИИ"
(Орган политотдела 1-й рев. армии).

ВТОРНИК 10 ИЮНЯ 1919 ГОДА

Наша победа на Восточном Фронте.

КРАСНОЙ АРМИЕЙ ВЗЯТ ГОРОД УФА.

После трехдневного боя 9-го июня в 20 часов Красными войсками № дивизии под командой тов. Чапаева взят город Уфа.

Противник в панике отступает по всему фронту, преследуемый нашими войсками.

Красными войсками взят город Бирск и Ижевский завод.

На Уральском направлении Красными войсками взят Александрово-Гай.

КРАСНЫЕ ГЕРОИ.

В боях под Уфой ранен командир № дивизии тов. Чапаев и контужен Командующий войсками Южной группы тов. Фрунзе. Оба товарища все время находились на линии огня и не покидали своих постов несмотря на ранения.

НАЧАЛО КОНЦА.

По всему восточному фронту наши войска красной лавиной двигаются вперед и сметают колчаковские банды.

Фронт Колчака сокрушен.

Сибирские контр-революционеры находятся на краю своей гибели.

Экстренная телеграмма газеты «Набат революции» с сообщением о взятии Уфы и ранении М. В. Фрунзе и В. И. Чапаева. 1919 год

М. В. Фрунзе принимает парад войск на Красной площади. 1 мая 1925 года

народа. Это были рабочие-текстильщики, солдаты местного гарнизона, даже женщины с малыми ребятами пришли повидать легендарного революционера.

На привокзальной площади состоялся стихийный митинг. С большой речью на нем выступил давний друг Фрунзе депутат II Государственной думы от рабочих Н. А. Жиделев. И потом, когда митинг закончился, толпа сопровождала дорогого гостя до здания Совета. Отовсюду к нему тянулись руки друзей, старых товарищей по подполью, неслись приветственные восклицания и вопросы:

— Надолго ли приехал?

— Может быть, совсем останешься?

— Оставайся, Арсений! Все равно не отпустим.

Фрунзе улыбался друзьям и отвечал:

— Я ведь не сам по себе живу, партии принадлежу.

В Совете он оказался среди тех, кого хорошо знал еще по бурным годам первой революции, кто был особенно дорог ему. После дружеских объятий, радостных приветствий потекла беседа о политической обстановке в стране, о положении дел в Шуе, о ближайших задачах в революции. Фрунзе сказал своим друзьям:

— Россия находится на пороге решительных перемен. Вопрос «кто кого?» обострился до предела. На своем шестом съезде большевики взяли курс на вооруженное восстание рабочих и крестьян, на победу диктатуры пролетариата. А буржуазия делает ставку на военный переворот. В диктаторы она избрала генерала Корнилова, который клянется подавить революцию. Свои черные замыслы Временное правительство маскирует созывом Государственного совещания. Оно открывается завтра, двенадцатого августа. Время не ждет, нужно действовать.

И рабочие Шуи начали действовать. В знак протеста против Государственного совещания они прекратили работу. Фабриканты попытались дать отпор. Сговорившись с владельцами хлебопекарен и продовольственных лавок, они решили испытать бастующих голодом. Фрунзе энергично вмешался в ход событий, подсказал Совету меры против фабрикантов и лавочников, и те уступили.

В эти дни Михаил Васильевич был частым гостем на предприятиях города. Всюду он беседовал с рабочими, выступал перед ними с политическими докладами, охотно встречался со старыми друзьями и соратниками. Побывал Фрунзе и у солдат местного гарнизона. Это имело особенное значение, так как там сильно было влияние эсеров. Выступления прославленного революционера перед солдатами помогали им правильно определить роль различных политических партий в революции, разоблачали лживые ультрареволюционные лозунги эсеров.

Самое активное участие принимал Фрунзе в деятельности Шуйского Совета. В те дни проходили выборы в городскую думу. Поскольку подавляющее большинство в Совете принадлежало большевикам, то некоторые товарищи полагали, что с выборами в думу не следует и связываться. Фрунзе разъяснил, что такая линия неправильна. Надо приложить все силы, чтобы из думы тоже вытеснить соглашателей и богачей и там взять руководство в свои руки.

Совет рабочих и солдатских депутатов выставил на выборах свой список № 1. Первым кандидатом в гласные думы по этому списку значился Фрунзе. Из сорока мест кандидаты списка № 1 получили тридцать.

Выборы происходили уже в отсутствие Фрунзе. Он вернулся в Минск. И угодил к тому времени,

когда обстановка здесь снова невероятно накалилась. Корнилов поднял мятеж и двинул войска на Петроград. Минский Совет создал Временный военно-революционный комитет, который назначил Михайлова-Фрунзе начальником штаба революционных войск Минского района.

Перед Временным военно-революционным комитетом и штабом стояла задача задержать продвижение «дикой дивизии» и «дивизии смерти» на революционный Петроград, разоружить их, изолировать от войсковых частей ставку генерала Корнилова, лишив его власти. Фрунзе действовал энергично. Он опирался на революционные воинские части, отряды народной милиции, рабочие дружины и ревкомы железнодорожников.

Но сил для выполнения поставленной задачи оказалось недостаточно, нужно было действовать умно, решительно и бесстрашно. В некоторых воинских частях, распропагандированных большевиками, удалось поднять восстание против реакционного офицерства; железнодорожники по маршруту движения верных Корнилову войск разобрали пути, а революционные солдаты разоружили подразделения «дикой дивизии». Корниловский мятеж был сорван.

Фрунзе работал в те дни не зная отдыха, успевая бывать в воинских частях, на железнодорожных станциях, там, где развертывались основные события.

Пришла пора прощаться с Минском. Фрунзе собирался в Шую. Друзья и соратники устроили ему торжественные проводы. В адресе работников минской милиции говорилось: «Недолго пришлось нам служить под Вашим просвещенным руководством, но время, проведенное Вами среди нас, останется памятным для нас на всю жизнь. Вам выпало на долю

насадить в минской милиции первые семена революционной правды. Мы все были неопытными новичками и нуждались в постоянных указаниях, которые и находили у Вас, и не в форме старых бездушных приказов, а глубоко сердечных товарищеских советов. Ваше отношение к занимаемой Вами должности вообще и к нам, Вашим подчиненным, в частности, останется для нас дорогим воспоминанием, которое мы будем хранить с благодарностью в наших сердцах».

В Шуе Фрунзе возглавил местный Совет, городскую думу и уездную земскую управу. Он не только сам много работал, но и привлекал к делу преданных революции людей, учил их, воспитывал, терпеливо наставлял молодых, которых он смело выдвигал на самые ответственные должности.

Большевики Шуи к середине сентября 1917 года одержали верх на выборах во все местные органы власти. Как позднее отмечал М. В. Фрунзе, за полтора-два месяца до Октябрьской революции во всем Иваново-Вознесенском районе фактически была установлена диктатура пролетариата.

Известие о свержении Временного правительства и о сформировании Совета Народных Комиссаров во главе с Лениным трудовая Шуя встретила всеобщим ликованием. Вечером 26 октября в Народном доме собрались депутаты Совета, гласные думы и земства, члены фабрично-заводских, полковых и ротных комитетов. С речью выступил Фрунзе. После его выступления постановили создать Ревком, которому передавалась вся полнота власти. Приказы и распоряжения Ревкома были обязательны для всех учреждений и воинских формирований.

В Шуе сразу же установился образцовый революционный порядок. Михаил Васильевич о тех днях

позднее писал: «Не помню ни одного случая протеста или недовольства со стороны каких бы то ни было групп. Все противники переворота из числа интеллигенции и городского мещанства не могли бы слова сказать против при том настроении, какое имело место в народе. Разумеется, переворот в Шуе произошел без пролития капли крови, без единого выстрела».

Но дальше все шло не так просто и гладко. Контрреволюция пыталась задушить Советскую власть в зародыше. Утром 27 октября в адрес Шуйского Совета пришла из Москвы телеграмма с приказом войсковым частям «двигаться на Москву для подавления вспыхнувших там большевистских беспорядков». Телеграмму подписал командующий войсками Московского военного округа полковник Рябцев.

Фрунзе знал, что Рябцев эсер, верный ставленник Временного правительства. Никаких войск по его требованию из Шуи, конечно, не было послано. Михаил Васильевич срочно выехал в Москву, чтобы на месте выяснить обстановку. Все тут было ясно с первого взгляда: юнкера воспротивились установлению Советской власти. И сил у них для этого оказалось достаточно.

Михаил Васильевич по телеграфу вызвал из Шуи двухтысячный отряд, а сам взял винтовку и пошел в бой. Красноармейцы выбивали из гостиницы «Метрополь» юнкеров, прикрывавших подступы к Кремлю. Под градом пуль Фрунзе перебежал площадь и одним из первых ворвался в гостиницу. Действовал он сноровисто и бесстрашно.

Шуйские красногвардейцы подоспели вовремя. Бои шли еще на подступах к Кремлю. Как и в памятном 1905 году, Фрунзе вел бой во главе своего

отряда на улицах Москвы, принуждая теперь юнкеров к отступлению. А потом был штурм Кремля. Советская власть утвердилась и в Москве. Шуяне возвращались домой с победой.

Новая власть побеждала всюду, но революционные преобразования только еще начинались. Предприятия не были национализированы, их хозяева организовали саботаж. В Шуе, как и в других городах,— продовольственные затруднения, ощущался острый недостаток топлива. Фабриканты закрывали предприятия и объявляли увольнения рабочих.

Возглавляя Совет, думу и земскую управу, Фрунзе нес ответственность за все, решал множество вопросов первостепенной важности. Надо было заставить хозяев предприятий прекратить саботаж, увольнения рабочих, наладить под контролем новой власти производство. Совет занял твердую, непреклонную позицию. Почувствовав это, богатеи начали опасаться действовать в открытую. Предприятия заработали, увольнения рабочих прекратились. Чтобы улучшить снабжение продовольствием, Фрунзе одним из первых в стране сформировал рабочие продотряды. Кроме того, через продовольственную управу он снарядил в сельскую местность эшелон с мануфактурой, предназначенной для обмена на хлеб.

В эти тяжелые дни Михаил Васильевич углубляется в изучение экономики края. Живет он, как и многие его друзья, в холоде и голоде. В валенках, в наброшенной на плечи шинели, согреваясь кипятком, он ночами, ибо в другое время невозможно выкроить свободной минуты, сидит над книгами, статистическими ежегодниками, комплектами журналов, штудирует, делает выписки.

Изучив огромный материал, Фрунзе составляет обстоятельный проект создания новой администра-

тивной единицы — Иваново-Вознесенской губернии. В промышленном отношении новая губерния ни у кого не вызывала сомнения; концентрация предприятий и высокая прослойка рабочего населения очевидны. Но способна ли она наряду с этим развивать и сельское хозяйство, чтобы в известной мере обеспечить себя продовольствием и сырьем? Разработке этого вопроса пришлось уделить особое внимание. В дополнение к проекту Михаил Васильевич пишет и публикует в 1918 году экономический очерк «Иваново-Вознесенская губерния в сельскохозяйственном отношении». В четырех главах очерка, изданного отдельной брошюрой, доказательно обоснованы возможности дальнейшего успешного развития в «ситцевом крае» наряду с промышленностью и сельского хозяйства.

Проект М. В. Фрунзе одобрил председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. Вскоре Иваново-Вознесенская губерния была создана. В качестве председателя губисполкома Михаил Васильевич создает административный аппарат, организует хозяйственную жизнь обширного края. Человек сильной воли, он с радостью берется за самое трудное и ответственное дело, отдает ему все свои силы без остатка.

А трудности с каждым днем возрастают. Все хуже становится с продовольствием, топливом, сырьем для предприятий. Чтобы спасти положение, поддержать голодных рабочих, Фрунзе предпринимает поистине героические усилия, изыскивая резервы на месте, выдвигая инициативных и расторопных людей, рассылая в разные концы страны уполномоченных за сырьем и продовольствием.

Когда стало особенно трудно, председатель губисполкома вынужден был обратиться к Наркомпроду А. Д. Цюрупе с просьбой оказать срочную помощь

текстильщикам хлебом. Ответ пришел быстро, но самый неутешительный: хлеба нет и в столице.

Рабочие продолжали голодать, предприятия едва работали, жизнь замирала. Выхода, казалось, не было, и Фрунзе обратился с телеграммой к В. И. Ленину. С присущей ему прямотой и откровенностью он характеризовал создавшееся положение как безвыходное. Но помощи из центра и на этот раз оказать не было никакой возможности. В ответной телеграмме Ленин советовал создать продовольственные отряды для изъятия излишков хлеба в деревне.

Вот в такие напряженные до предела дни Фрунзе становится секретарем губкома партии и председателем совнархоза. Объем его работы и ответственность возрастают еще больше. Продовольственная и топливная проблемы, налаживание работы национализированной промышленности, организация продотрядов, работа в деревне — все это необходимо решать сейчас же, безотлагательно, исходя не только из потребностей сегодняшнего дня, а и заглядывая в будущее. Под руководством Фрунзе губернская партийная организация напрягает все усилия, для того чтобы выправить положение.

Ивановцы снаряжают самые крупные после Петрограда и Москвы продовольственные отряды, организуют в широких масштабах добычу торфа и заготовку дров, что позволяет очень скоро улучшить снабжение топливом и оживить промышленность. Особую заботу проявляет Фрунзе об обеспечении национализированных предприятий рабочей силой. Удается вовремя запастись хлопком из Средней Азии, которая через некоторое время окажется отрезанной врагом от центральной России.

Как ни тяжела окружающая обстановка, как ни велики трудности, Фрунзе с надеждой смотрит в бу-

дущее, с увлечением разрабатывает перспективный план развития хозяйства губернии, много внимания уделяет проблемам образования и культуры.

В июне 1918 года в Иваново-Вознесенск из Царицына прибывает эшелон с хлебом, тридцать шесть вагонов рогатого скота и два вагона с растительным маслом. Это Владимир Ильич, помня о недавней тревожной телеграмме Фрунзе, при первой же возможности распорядился о помощи рабочим текстильного центра. Помогли хлебом и соседи — нижегородцы. Затем начали приходить эшелоны, направляемые рабочими продотрядами, посланными в Сибирь, на Северный Кавказ и в другие хлебные районы страны.

И все равно дел и забот у Фрунзе все прибавляется и прибавляется. Живет он подвижнически, впроголодь, спит урывками, не более трех часов в сутки. Но всегда его видят неутомимым, подтянутым.

В то время Дмитрию Фурманову довелось познакомиться с Михаилом Васильевичем. Фурманов впоследствии записал в своем дневнике: «Это удивительный человек. Я проникнут к нему глубочайшей симпатией. Большой ум сочетался в нем с детской наивностью взоров, движений, отдельных вопросов. Взгляд — неизменно умен: даже во время улыбки веселье заслоняется умом. Все слова — просты, точны и ясны; речи — коротки, нужны и содержательны; мысли — понятны, глубоки и продуманны; решения — смелы и сильны; доказательства — убедительны и тверды. С ним легко. Когда Фрунзе за председательским столом, значит, что-то будет сделано большое и хорошее».

Таков Фрунзе тех дней в меткой зарисовке наблюдательного писателя.

В начале июля Фрунзе выезжает в Москву на V Всероссийский съезд Советов. До начала работы

съезда он заходит в Наркомпрос к А. В. Луначарскому и решает с ним очень сложный по тем временам вопрос — об открытии в Иванове политехнического института. Как радовался Михаил Васильевич тому, что и у текстильщиков будут свои специалисты, вырастут инженеры и экономисты, организаторы и командиры производства. С энтузиазмом он вербовал московскую профессуру, делал все для того, чтобы создать им подходящие условия на новом месте. И добился своего. Политехнический институт в Иванове родился.

А обстановка в стране с каждым днем накалялась все больше. Контрреволюция напирала со всех сторон, меньшевики и правые эсеры грозили взорвать республику изнутри. В самый канун V съезда Советов они организуют в крупнейших городах страны, начиная с Петрограда, забастовки. Сбитые с толку демагогами, рабочие некоторых предприятий прекратили работу. Но очень скоро поняли, на что их толкают враги советского строя. Работа повсеместно возобновилась. И все же обстановка была очень напряженной. Газета «Известия» в передовой статье, посвященной съезду, 3 июля отмечала:

«Завтра откроется пятый Всероссийский съезд Советов... Жгучие и злободневные вопросы придется ему разрешать, как вопрос о налаживании продовольственного дела, об организации вооруженных сил страны, о конституции Советской республики. Но самой важной и существенной, самой злободневной задачей съезда является разрешение вопроса, поставленного перед нами самой жизнью, — вопроса о самообороне рабоче-крестьянской революции от наглых покушений поднявшей голову контрреволюции».

К съезду эсеры приурочили свое провокационное

убийство германского посла и подняли контрреволюционный мятеж. Большевики — участники съезда были мобилизованы на ликвидацию эсеровского восстания. В числе их находился и М. В. Фрунзе.

Едва лишь удалось разгромить контрреволюционеров в Москве, как стало известно о вспыхнувшем эсеро-белогвардейском мятеже в Ярославле. Враги собрали здесь значительные силы, захватили город и на несколько дней установили в нем режим кровавого террора. Они пытались расширить зону действия, преследуя далекоидущие планы похода на Москву, а затем и полной ликвидации советского строя.

Фрунзе срочно возвращается в Иваново, тут же приступает к формированию рабочих отрядов, их снаряжению и отправке на подавление контрреволюции. Эти отряды храбро сражались в кровопролитных боях с мятежниками. Хотя Фрунзе лично и не участвовал в боевых действиях по освобождению Ярославля, он делал невероятно много для сокрушительного разгрома мятежников. Его инициатива, организаторский талант, решительность высоко оценило Всероссийское бюро военных комиссаров. Оно вскоре обратилось к Я. М. Свердлову с предложением использовать Михаила Васильевича на военной работе. Яков Михайлович поддержал это ходатайство и в свою очередь аттестовал Фрунзе так: «Ценный, преданный, честный работник, пригодный для занятия ответственных функций».

И вот в августе 1918 года Фрунзе назначается военным комиссаром Ярославского военного округа. В состав его было включено восемь губерний — Архангельская, Северо-Двинская, Вологодская, Костромская, Ярославская, Владимирская, Иваново-Вознесенская и Тверская.

Между тем обстановка в стране все более ухудшалась. Со всех сторон надвигались вражеские полчища. Архангельск и Мурманск захвачены англо-франко-американскими войсками, там создано белогвардейское «правительство Севера России». Украину заняли немецкие оккупанты. На Дальнем Востоке и в Приморье высадились японские и американские интервенты. В Сибири и на Средней Волге вспыхнул чехословацкий мятеж. С востока на обширнейшей территории собирал силы ставленник Антанты адмирал Колчак, провозглашенный «верховным правителем России». В Новороссийске и Одессе появляются французские, греческие и румынские войска.

Все это потребовало от молодой республики Советов чрезвычайного напряжения сил. Страна превращалась в военный лагерь. Начались срочные мобилизации, формирование новых воинских соединений, подготовка командных кадров. В октябре 1918 года В. И. Ленин указывал, что для отражения натиска врагов, зажавших страну кольцом фронтов, нужна армия в три миллиона человек.

Поразительно быстро освоился на новой должности М. В. Фрунзе. Его военный талант, эрудиция, способность схватывать все мгновенно удивили тогдашнего военного руководителя Ярославского округа Ф. Ф. Новицкого. «Конечно, — отмечает Новицкий, — ни по своей предыдущей службе, ни по военному образованию он (Фрунзе), казалось, не мог считаться достаточно подготовленным к такой роли. Но таков уж был этот человек, обладавший удивительной способностью быстро разбираться в самых сложных и новых для него вопросах, отделять в них существенное от второстепенного и затем распределять работу между исполнителями сообразно со способностями каждого. Он умел и подбирать людей,

как бы чутьем угадывая, кто на что способен. Огромная машина окружного аппарата работала исправно и точно, и все задания как центра, так и боевых фронтов выполнялись аккуратно и своевременно... Я... за время... совместной работы сам увидел, как глубоко понимал Фрунзе военное дело; не раз поражался тем, как много он читал и как основательно был подкован в области военной теории».

Это свидетельство особенно ценно тем, что оно принадлежит опытному военному специалисту, бывшему генералу царской службы, который хорошо разбирался в командных кадрах. Встретившись с Фрунзе в конце 1918 года, Ф. Ф. Новицкий стал его преданным другом и соратником.

С присущей ему энергией и неутомимостью работал Фрунзе на новом посту. Он приступил к формированию двух дивизий, занимался комплектованием курсов командного и политического состава, развертывал всеобщее военное обучение, отбирал и переаттестовывал офицеров и унтер-офицеров царской армии, оформлял отправку добровольцев на фронты.

С детских лет полюбил Фрунзе военное дело. Чем больше он вникал теперь в свою новую столь важную работу, тем больше она его увлекала. Ему страстно хотелось служить в действующей армии.

В своих воспоминаниях Ф. Ф. Новицкий рассказывает об этом так: «Как ни многогранна и интересна была работа по руководству военным округом, все же М. В. Фрунзе неудержимо тянуло туда, где шла борьба не на жизнь, а на смерть за торжество труда над капиталом. И вот во время одной поездки по округу мы окончательно договорились проехать в Москву и поставить вопрос о нашем назначении на фронт.

М. В. Фрунзе мечтал получить, как он говорил,

«полчишко», преимущественно конный, учитывая свою любовь к верховой езде и живость характера».

Мечта сбылась. Вместе с Новицким он добился отправки на фронт. Но Михаил Васильевич в силу своей скромности даже не догадывался тогда, какого масштаба задачи ему предстоит вскоре решать и какие сюрпризы уготовила ему судьба на новом поприще.

ПОЛКОВОДЕЦ

Румяным морозным утром конный ординарец лихо осадил возле крыльца Штадива низкорослую шуструю лошаденку, легко соскочил на землю и единым махом взлетел на второй этаж. Тут он, не постучавшись, толкнул плечом знакомую дверь тесного кабинетика и очутился перед столом, заваленным оперативными картами. Над ними, будто стараясь разглядеть что-то диковинное, в напряженном внимании склонились четверо военных. Двух из них ординарец хорошо знал — это были командир его родной дивизии и начальник Штадива, а двух других видел впервые.

— Командарму 4. Велено передать в собственные руки! — гаркнул ординарец, протягивая одной рукой наспех и небрежно заклеенный вонючим клейстером пакет, а другой, поправляя съехавшую на глаза кубанку.

Ординарец не знал, кто именно из двух незнакомых ему командиров является командующим армией, и с интересом ждал, чья рука протянется за пакетом.

Четыре командира оторвались от карт, выпрямились. Руку протянул тот, что был пониже других и выделялся подчеркнутой подтянутостью.

Ординарец цепко оглядел командующего, тот был русоволос, румянолиц и приветлив. И рука у него оказалась небольшая, но аккуратная, привычная, должно быть, и к перу и к инструменту. Так подумалось при виде этой небольшой, но крепкой руки.

Вручив пакет, ординарец сделал шаг назад и непринужденно привалился плечом к дверному косяку в ожидании ответа. Командарм производил самое благоприятное впечатление, но ординарец пытался не поддаваться этому впечатлению. В дивизии, опередив приезд командарма, гулял слух, будто новый командующий из царских генералов и по национальности немец, о чем якобы свидетельствовала его короткая, явно нерусская фамилия — Фрунзе. Так что отношение к нему в дивизии сразу сложилось неприязненно-предубежденное и никто его не собирался менять. И уж тем более он, личный ординарец комбрига товарища Плясункова.

Фрунзе вскрыл пакет и пробежал глазами коротенькую записку, слегка вспыхнув при этом. Записка была наглая. В ней говорилось:

«Командарму 4. Предлагаю Вам прибыть в 6 часов вечера на собрание командиров и комиссаров для объяснения по поводу Ваших выговоров нам за парад. Комбриг *Плясунков*».

Буря поднялась в душе командарма: возмутительное послание невозможно оставить без ответа. Но что предпринять? Может быть, сейчас же вот с этим нагловатым ординарцем вытребовать в штаб распоясавшегося Плясункова и всыпать ему по первое число? А возможно, обрушить свой гнев на ординарца, видимо даже и не подозревающего, как следует вести себя с командирами, разделать его так, чтобы он летел к своему комбригу как наскипидаренный и передал ему гнев командующего? Торопливые мысли

сменяли одна другую. Но все их Фрунзе отбросил. Он спокойно отложил в сторону записку Плясункова, совсем не строго посмотрел на ординарца — что с него взять? — и махнул ему рукой: мол, можешь отправляться, никакого ответа не будет.

Ординарец понял этот жест, мгновенно повернулся и исчез с той же стремительностью, с какой появился несколько минут назад.

В штабе воцарилось неловкое молчание. Да, записка наглая. Но неожиданной она не была: Михаил Васильевич хорошо знал, куда ехал, и ясно представлял себе, какой прием его мог ожидать.

Всего два месяца назад вот в этой дивизии восстало два полка, сильно засоренных еще при формировании кулаками и эсерами. Сбросившие с себя маску, враги зарубили комиссара Чистякова, двадцатилетнего парня, участника штурма Зимнего. А днем позже скосили пулеметной очередью члена Реввоенсовета Линдова и члена ВЦИК Майорова. Вместе с ними погибло еще с десяток командиров и бойцов.

Так что и не такое тут бывало. Дух партизанщины и анархистской вольницы царил во всей армии. В Штаарме Фрунзе настойчиво отговаривали от инспекционной поездки на фронт вообще и от посещения неблагополучной дивизии в частности. Но обычно вежливый и даже мягковатый по характеру, на этот раз он резко вспылил и в сердцах воскликнул:

— Черт возьми! Я приехал командовать армией, а не заливать штаб слезами!

И без всякой охраны, лишь в сопровождении начальника штаба армии и адъютанта, выехал в только что отбитый у белых Уральск.

Внезапное появление Фрунзе в опасной зоне боевых действий удивило не только начсостав, а и бойцов, бравших город. Удивило потому, что со времени

сформирования армии ни один из командующих, а их за короткий срок сменилось уже несколько, не приезжал на фронт, в особенности в город или село, только что отбитые у белых и где нет никакой уверенности, что враг вот-вот не ворвется снова. А с Уральском именно так и было. Два раза белоказаки уже врывались в город, и его с трудом удавалось отстоять.

Но особенно удивило то, что Фрунзе прибыл без всякой охраны. Прежнее командование являлось и в удаленные от фронта части с такой большой свитой, что невольно думалось: своим и то не доверяют.

Не таков, видно, новый командующий. И это должно было расположить к нему и наверняка расположило бы сразу, если бы не тот неведомо кем пущенный ядовитый слух. Его подхватили сразу и мусолили на все лады. Уж генерал, да еще немец, известно, крут по части всяких там ейн-цвей, шагистики, субординации и прочих цирлих-манирлих. Говорят, уже кое-кого из заслуженных боевых командиров приструнил за партизанщину. Куда приедет, первым делом устраивает смотры-парады. Это в такие-то холода, да почти на самой передовой, можно сказать на виду у беляков! Слыханое ли дело?

Вот и в Уральске, только что заявился, сразу вызвал в штаб весь командный состав, тут же потребовал, чтобы его ознакомили с обстановкой на занимаемом участке фронта.

Сам с виду обходительный, живой, и взгляд доверчивый, теплый. Говорил недолго, но приветливо. Только командиры все равно сидели хмурые, докладывали коротко и неприязненно, всячески давая понять, что делают это лишь по обязанности. А многие из тех, кто не выступал, смотрели на командующего с вызовом, исподлобья.

И уж всех возмутило то, что, заканчивая совещание, командарм приказал завтра же вывести части гарнизона на смотр.

Вывести вывели, но к смотру не готовились, стояли кое-как и прошли без всякого старания. Пусть, дескать, видит «его превосходительство», что это не старое царское войско, а свободная армия. Комбриг же Плясунков и вовсе отличился. Ему не нравилась не только вся эта затея с парадом, но в особенности то, что недолюбливающий лично его, Ивана Плясункова, начдив приказал построить боевую первую бригаду где-то за обозами. Правду говоря, и Плясунков сильно недолюбливал начдива, по его разумению и в подметки не годившегося отосланному в академию своему предшественнику, Василию Ивановичу Чапаеву.

Построенные части ждали командарма. А мороз допекал. Худо одетые бойцы в строю приплясывали от холода. И это еще больше распаляло гнев Плясункова.

В нетерпении он несколько раз проехался на своей косматой и приземистой лошаденке вдоль строя бригады, стараясь разглядеть из-за обозов, что же происходит там, на площади.

Но на площади вроде ничего не происходило. Терпение Плясункова лопнуло, он вынул из нагрудного кармана френча часы-луковицу, щелкнул крышечкой и гаркнул во все горло:

— По зимним квартирам м-а-а-а-рш!

Так и ушла вся бригада, не дождавшись появления командующего.

Смотр не удался. Фрунзе сурово отчитал командиров, перечислил все подмеченные недостатки и потребовал их немедленного устранения, даже дал советы, как этого следует добиться.

Ивана Плясункова все это еще больше заело. Ах, туды-растуды, и в самом деле вроде старые порядки вертают, на манер царской армии заводят, так нет, он, боевой командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии, сам потомственный крестьянин, не будет потакать этому, пойдет решительно против, чем бы это ему ни грозило! И пошел!..

Фрунзе некоторое время в задумчивости смотрел на дверь, за которой скрылся проворный ординарец и, ничего не объясняя, пригласил командиров продолжить прерванное обсуждение боевой обстановки...

Не получив от командарма ответа, Плясунков еще больше взъярился:

— Ну ладно, ваше превосходительство, — с гневным взглядом произнес он, — мы еще посмотрим, чья возьмет!

До самого обеда комбриг мерил быстрыми шагами просторный кабинет. На все доводы комиссара, пытавшегося его вразумить, Плясунков только рукой махал — мол, не агитируй меня за мировую революцию, я за нее сам кого хошь сагитирую.

И обедал злой. Даже, можно сказать, и не обедал, а так, наскоро перекусил и сел писать новую записку командующему.

Плясунков был не ахти как грамотен, письмо ему давалось с трудом, но значения этому не придавал — то, что малограмотен не твоя вина, это вернейший признак твоего до самого последнего времени угнетенного положения. Зато шашкой он, Иван Плясунков, орудует, как добрый косец косой, беляки об этом очень даже хорошо наслышаны. Вот этим он гордился!

Но сейчас комбриг сильно пожалел, что малограмотен. Ему хотелось написать это новое послание как-нибудь появительнее и со всякими писарскими

завитушками, с этаким стремительным росчерком, чтобы знал командующий — и мы не лыком шиты, только не намерены потакать всяким старорежимным замашкам.

Несмотря на все старания, бумажка сочинилась куцая, всего в одну фразу. Плясунков перечитал ее, поморщился недовольно и приказал переписать писарю, который владел пером ненамного лучше своего командира.

В три часа командарм получил новое послание Плясункова. Оно было по-военному лаконично: «Командарму 4. Предлагаем дать немедленный ответ, будете ли Вы на собрании или нет».

Фрунзе прочитал и невольно улыбнулся — в рифму пишет ультиматумы Плясунков. Но тут же посерьезнел: дело принимало совсем не шуточный оборот.

Он встал, сделал несколько шагов и решительно произнес:

— Придется явиться на вызов Плясункова.

Начдив всплеснул руками:

— Что вы, Михаил Васильевич, настроение в бригаде скверное, такое, что можно и голову сложить.

Фрунзе на этот раз без особого тепла глянул на начдива. И тот принялся объяснять.

— Ребята-то там вообще неплохие, только головы горячие. Повременить бы, авось перебесятся.

— Да, конечно, — задумчиво согласился Фрунзе, — когда перебесятся, можно будет сходить. — И, стряхнув вдруг задумчивость, обернулся к начдиву: — И тогда можно, но сегодня просто необходимо. Крайне необходимо...

Зимний день короток. В шестом часу вечера Фрунзе со своим адъютантом, безоружные, ехали по при-

тихшему, уютно погрузившемуся в сумерки заснеженному городку к штабу бригады Плясункова. Миновав две-три улицы, кони вынесли их в тесный проулок. Пригибаясь к седлу, они въехали в распахнутые ворота и оказались во дворе, заставленном повозками и санями. Под навесами похрапывали кони, у едва видневшейся в сумраке колоды наслаждались самокрутками ординарцы.

Всадники приблизились к ним, Фрунзе бросил повод адъютанту и зашагал в глубь двора. Адъютант задержался, чтобы справиться, где находится штаб бригады.

— Эвон, — ткнул один из ординарцев рукой по направлению к чернеющему зеву распахнутой двери, — а там наверх и в светелку.

Командарм хотя ни о чем и не справлялся, а направился именно туда, куда нужно. Адъютант, передав коней, догнал его. Пока поднимались по шаткой лестнице в светелку, услышали доносившуюся сверху крикливую разноголосицу. Похоже было, что в светелке ругались или отчаянно спорили.

Командиры и комиссары, на собрание которых был приглашен командующий, разместились в двух смежных тускло освещенных висевшими под потолком керосиновыми лампами комнатах. Над головами собравшихся плавали густые волны дыма.

Едва только командующий переступил порог, брань утихла, цигарки попритушили, выжидательно примолкли.

Фрунзе прошел к столу и поздоровался. Ему ответили вразнобой всего несколько голосов. Иван Плясунков тронул портупею, поправляя ремни, смущенно кашлянул, указал командующему на свободное место, но не скомандовал «встать», «смирно!». Он метнул в командующего торжествующе злобный

взгляд: «Ага, голубчик, явился. Сейчас получишь все, что тебе причитается».

А Фрунзе будто и не заметил этого выразительного взгляда, сел, откинул полы распахнутой шинели и, закинув ногу на ногу, приняв удобную позу, деловито спросил:

— Ну, в чем дело, товарищи?

Никто не ответил. Но напряженная тишина длилась лишь мгновение. В дальнем углу послышался не слишком приглушенный шопот. Несколько человек обернулось. Шепот оборвался. И снова наступила тишина. Фрунзе уже готов был встать и сказать слово, но в темном углу кто-то, опережая его, поднялся и срывающимся голосом заговорил:

— Мы вот здесь воюем, а тут приезжают к нам, заслуженным командирам, объявляют выговоры, учат маршировать, устраивают генеральские парады...

Фрунзе хотелось податься вперед и разглядеть лицо говорившего — в схватках с политическими противниками он любил следить за выражением лица оппонента, изучать его манеру говорить, жесты, мимику. В этом случае становилось ясно, говорит ли оратор «на публику», рисуется или следует голосу твердого убеждения. Но командующий не шелохнулся, решив, что не нужно выказывать нетерпения.

Оратор к тому же внезапно замолчал, замялся, попробовал к сказанному еще что-то добавить, но не нашелся, махнул рукой и сел. И тут же в дверях смежной комнаты вырисовалась фигура в распахнутой шинели с копной всклокоченных волос, и донесся петушиный, крикливый голос:

— Я так скажу: что важнее для нашего общего рабоче-крестьянского дела? — Оратор потряс зажатой в руке плеткой, глотнул воздуха и продолжал: —

Печатать шаг на парадах или беляков гнать? Ответ, по-моему, ясен. А если кто не понимает таких простых вещей, так и нечего браться командовать.

Присутствующие вразнобой, но одобрительно зашумели, поддерживая оратора.

Он удовлетворенно огляделся и закончил:

— Вот и все, что я хотел сказать. Я думаю, ясно?

— Ясно, ясно! — донеслось с разных сторон.

И кто-то, уже не вставая, не обнаруживая себя, злобно выкрикнул:

— Мало мы вас учили... Забыли Линдова?!

— Долой царских генералов!!! — донесся истошный голос из смежной комнаты.

Когда злой голос напомнил про Линдова, Фрунзе на мгновение ощутил жаркую волну тревоги. Но тут же, как это обычно бывало с ним в минуты опасности, жаркая волна сразу же сменилась острым холодом, от которого все внутри вроде бы каменело и предельно напрягалось. С этого момента мысль начинала работать быстро и четко.

И сейчас Фрунзе выслушивал угрозы спокойно, лишь разок легкая, едва приметная улыбка тронула губы. «Царский генерал! Вот придумали. Рассказать им, что ли, что на командной должности я без году неделя. Рабочей дружиной в первую революцию командовал, на баррикадах Пресни дрался, в царской армии солдатам глаза на правду открывал. Не служил, не воевал в империалистическую, а подпольную работу на фронте вел. Это было опаснее, чем воевать. Под военный трибунал в любой момент можно было угодить. И сколько раз казалось, не миновать его. Но обошлось... Минской милицией в 1917-м руководил. Но милиция не армия... С детства военной историей зачитывался, в зрелые годы военным искусством увлекся. Наполеона, Клаузевица, Суворова, ко-

нечно, читал, забывая обо всем. А на фронте едва лишь месяц...»

Командующий сидел, фигура его воплощала полное спокойствие. Он внимательно слушал, одновременно обдумывая, как лучше поступить в сложившейся ситуации, что сказать разбушевавшимся людям, как обуздать расходившуюся стихию? «Может, сказать, что я не только не генерал, а и вообще не военный, только вот в тридцать с хвостиком становлюсь военным, и ближайшее будущее покажет, военный я человек или нет. И от вас это, дорогие товарищи, сильно зависит».

Прикинул и тут же отбросил эту мысль. Нет, сюда он явился не затем, чтобы обсуждать, на что способен и на что не способен. Ленин послал его командовать, бить белых, гнать Колчака. И он будет командовать, бить, гнать...

А угрозы между тем слышались со всех сторон. Теперь уже не в одиночку, а по двое и по трое вскакивали командиры, потрясая нагайками и кулаками, гремя шашками, призывали к расправе и требовали ответа.

А те, кто не принимал участия в гвалте, с любопытством поглядывали на командующего: как-то он поведет себя дальше, чем ответит на яростные выпады.

Беспокойно ерзал на своем председательском месте и комбриг Плясунков, в душе он уже жалел, что поддался настроению некоторых командиров, привыкших к партизанской вольнице и вытребовал командующего на это собрание, которое вот-вот грозило превратиться в самосуд. А самосуда комбриг не хотел, хотя и был зол на командующего, особенно до тех пор, пока его не видел вот так близко. А сейчас, увидев, что командарм явился по его вызову без-

оружным и без всякой охраны, вдруг почувствовал, как много было глупой запальчивости во всей этой затее. Спокойствие командарма ему импонировало: не каждому это дано. И пусть он хоть царский генерал, но если обладает вот такой выдержкой, таким бесстрашием, так, может быть, для общего дела и с пользой послужит.

Плясунков уже недовольно зыркал на расходившихся ораторов, и те понемногу начали утихать. Наконец опустился на место последний из крикунов, повисла выжидательная тишина.

Фрунзе полуобернулся к комбригу и очень ровным голосом, как будто ничего необычного и не происходило, спросил:

— Все высказались?

Плясунков лишь согласно мотнул головой: да, все. Тогда Фрунзе поднялся, оперся обеими руками о стол, спокойно, но громко, так, чтобы слышали и в другой комнате, чеканя каждое слово, заговорил:

— Прежде всего заявляю вам, что я здесь не командующий армией. Командующий армией на таком собрании присутствовать не может и не должен.

Фрунзе обвел всех пристальным взглядом, как бы желая удостовериться, что сказанные им слова поняты каждым, и продолжал:

— Я явился сюда как член Коммунистической партии. И вот от имени той партии, которая послала меня работать в армию, я вновь подтверждаю все свои замечания по поводу отмеченных мною недостатков в частях, командирами и комиссарами которых вы являетесь и за которые, следовательно, несете ответственность перед Республикой.

Голос Фрунзе звучал в полной тишине. Командиры и комиссары, ловя каждое слово, многозначительно переглядывались, оценивая услышанное как

поразительную новость: вот тебе и царский генерал, он, оказывается, член партии и партией послан в армию!

Фрунзе между тем вышел из-за стола, вплотную придвинулся к первому ряду сидящих, чуть приподнял бровь и продолжил:

— Ваши угрозы не испугали меня. Я большевик, царский суд дважды приговаривал меня к смертной казни, но не заставил отказаться от моих убеждений. Здесь говорили, что я генерал. Да, я генерал! Но от царской каторги, от революции, — командующий говорил теперь горячо и даже гневно, не оправдываясь, а самим тоном обвиняя тех, кто повинен в распространении злостных слухов, и тех, кто так легковерно подхватывает их.

— Я здесь только с адъютантом и без оружия. Я в ваших руках. Вы можете сделать со мной что хотите. Но я твердо заявляю вам по поводу сегодняшнего вызова меня сюда как командующего, что в случае повторения подобного буду карать самым беспощадным образом, вплоть до расстрела.

Фрунзе сделал паузу, выждал, не будет ли против высказанного им сурового предупреждения возражений. Никто не проронил ни звука. Тогда командарм уже спокойнее, вразумляюще сказал:

— Нарушая дисциплину, вы разрушаете армию. Советская власть этого не допустит.

Он снова умолк, ошеломленные командиры и комиссары смотрели на него, готовые слушать и дальше. Но Фрунзе лишь спросил:

— Имеете ли еще что-нибудь сказать мне?

Ответа не последовало. Тогда Фрунзе запахнулся, застегнул шинель.

— До свидания, товарищи! — сказал он уже дружелюбно, как если бы никакой вспышки тут и не

было, а шел самый дружеский разговор, и направился к выходу.

Комбриг Иван Плясунков вскочил, будто подброшенный пружиной, и застыл по стойке «смирно». Следом за ним поднялись и все остальные и вытянулись во фронт. Внимательными и преданными взглядами провожали признанного командарма те, что сидели ближе к выходу, бросились к дверям, чтобы распахнуть их перед Фрунзе. Кто-то даже вышел за дверь и жег спички до тех пор, пока командующий и его адъютант не сошли по скрипучей лестнице вниз.

И нагловатый ординарец, привозивший давеча ультимативные записки и не выказывавший никакого почтения к командованию, а, наоборот, демонстрировавший свою неприязнь к нему, услужливо подвел командующему и его адъютанту коней. Фрунзе в темноте улыбнулся в усы, подивившись осведомленности ординарца — быстро же скатываются вниз из штабрига новости!

Когда оба всадника оказались в седлах, ординарец застыл на месте с вскинутой к кубанке рукой. Так он и стоял, пока командующий и его адъютант не выехали со двора...

Скажи кто-нибудь Михаилу Васильевичу в те дни, когда он страстно мечтал получить под свое командование хотя бы «конный полчишко», что его полководческая деятельность на фронтах гражданской войны начнется вот с такого столкновения с комбригом Иваном Плясунковым,— всему этому даже при самом пылком воображении поверить было бы невозможно. Очень скоро горячий комбриг, человек беззаветной храбрости и неподкупной честности, станет самым преданным другом нового командующего.

Но прежде чем рассказывать обо всем этом, вернемся к тем дням, когда состоялось назначение Фрунзе на должность командующего 4-й армией Восточного фронта.

В конце декабря 1918 года Фрунзе и Новицкий получили вызов в Москву. Там им было объявлено, что Новицкий назначается командующим 4-й армии Восточного фронта, а Фрунзе — членом Реввоенсовета этой армии. Михаил Васильевич и такое назначение считал для себя слишком высоким, был даже смущен этим.

А Новицкий утверждал, что это явная недооценка таланта и опыта Фрунзе, его редких организаторских способностей. Генерал, повидавший на своем веку немало военных деятелей всех рангов и в старой армии, и в только что созданной Красной Армии, где с командными кадрами дело обстояло еще очень неважно, был уверен в том, что Фрунзе должен возглавить крупное соединение, а то и фронт. Он в этом был настолько убежден, что не побоялся высказать свое мнение высокомерному и резкому Троцкому, занимавшему тогда пост председателя Реввоенсовета республики. Едва выслушав Новицкого, Троцкий выкрикнул, как он сказал, так и будет, никому не позволено обсуждать приказы Реввоенсовета.

Тогда Новицкий обратился в Центральный Комитет партии. И на следующий же день из Реввоенсовета по телефону известили, что Фрунзе назначается на должность командующего 4-й армией Восточного фронта, а Новицкий к нему — членом Реввоенсовета.

Перед выездом на фронт Михаил Васильевич подобрал группу хорошо известных ему партийных работников для использования на командных должностях в армии, сформировал в Иваново-Вознесенске

добровольческий рабочий полк, сыгравший затем исключительно важную роль в боях против Колчака.

В штаб 4-й армии, который находился в Самаре, Фрунзе и Новицкий прибыли 31 января 1919 года. Обстановка на фронте к тому времени расценивалась как тяжелая. Зимой 1918/19 года главным фронтом считался Южный, и основные силы Красной Армии были прикованы к нему. Восточный же фронт, непомерно растянутый, располагал ограниченными силами.

Колчак собрал под свое командование значительные силы. С зимы 1918/19 года он начал подготовку войск к решительному наступлению. Белый адмирал провел широкую мобилизацию, позволившую реорганизовать, довести до полного состава фронтовые части, создать надежные резервы. Щедро поддерживаемый Антантой, Колчак не испытывал затруднений в снабжении своих войск всеми видами довольствия. Личный состав был вымуштрован, в достаточно подготовленных офицерах недостатка не было. К этому надо прибавить, что порядок в тылу колчаковских войск усердно наводили интервенты, которые не только вели войну с партизанами, но и принимали непосредственное участие в боях против Красной Армии.

Что же представляла собой 4-я армия, в командование которой вступил Фрунзе? Она была сформирована летом 1918 года из партизанских и красногвардейских отрядов. Дух партизанщины в ней не только не был изжит, а похоже на то, что культивировался как некая отличительная черта свободной революционной армии. Отдельные успехи, объяснявшиеся общей благоприятной обстановкой и личным мужеством преданных революции бойцов, создали среди части командного состава настроения зазнай-

ства и беспечности. Кое-кому из молодых командиров это даже вскружило голову. Военных специалистов из числа офицеров царской армии, изъявивших желание верой и правдой служить трудовому народу, не только недооценивали, а и третировали. При пополнении частей тщательному классовому отбору людей должного внимания не уделяли, в армию проникли кулаки и анархиствующие элементы. Эпизод, описанный в самом начале этой главы, нельзя считать чем-то невероятным или исключительным для 4-й армии. Проявления партизанщины и своеволия были довольно часты и нередко заканчивались трагически. Плохо организованная армия испытывала острый недостаток в оружии, боеприпасах, обмундировании.

М. В. Фрунзе начинает свою деятельность с укрепления дисциплины и наведения порядка, с повышения ответственности каждого командира и красноармейца. В первом же своем приказе по армии он обращается к бойцам «от имени Рабоче-Крестьянского правительства Республики и ее верховного органа — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета», подчеркивая ответственность каждого за судьбы завоеваний революции, ответственность перед всем трудовым народом. Вступив в должность командующего, Фрунзе особое внимание уделяет повышению сознательности красноармейцев и командиров.

С. А. Сиротинский, адъютант командующего, знавший его хорошо еще с 1906 года, отмечает, что для Фрунзе как военного руководителя в высшей степени характерно внимательное отношение к каждому подчиненному, и в особенности к рядовым бойцам. Качества опытнейшего партийного руководителя, умеющего работать с людьми, разбираться в них,

организовывать массы, вести их за собой, оказались незаменимыми и для полководца.

Но не только это составляло отличительную черту М. В. Фрунзе, начавшего боевую деятельность в ранге командующего армией. С первых же своих шагов на фронте он проявил себя зорким, цепко и глубоко оценивающим сложившуюся обстановку, отличающимся при этом смелостью, инициативой и широтой замыслов. Эти качества и выделяет Ф. Ф. Новицкий, характеризуя военное дарование Фрунзе, говоря о его первом боевом приказе по армии. «Этот приказ представляет значительный интерес в том отношении, что он дает первое представление о стиле руководства Фрунзе. Приказ Фрунзе проникнут духом большевистской активности и стремления достигнуть уничтожение сил противника. В нем Фрунзе намечает активные формы выполнения поставленной ему по существу пассивной задачи: «Обеспечить пути, ведущие с юго-востока на участке реки Волги Саратов — Сызрань». Он счел необходимым решать эту задачу фронтальным ударом с севера, со стороны Уральска, с одновременным наступлением Александрово-Гайского отряда через Сломихинскую во фланг и тыл противнику. Идея наступления, предпринимаемого с двух-трех направлений, в основе которой лежит стремление к окружению противника, характерна и для последующих оперативных приказов Фрунзе».

Оригинальность оперативно-тактических замыслов, их дальновидность, как правило, очевидны уже при знакомстве с практической деятельностью любого выдающегося полководца. И это понятно, ибо все блестящие идеи — плод огромной, неутомимой, кропотливой и целеустремленной работы, в которой нет мелочей, когда дело касается разработки боевой

операции. Если в замыслах виден гений полководца, то в подготовке их успешной реализации проявляются его характер, воля, организаторский талант, без чего нет выдающегося военачальника. Именно этими качествами обладал новый командующий.

Прибыв в Самару, Фрунзе первым делом установил связь с руководителем самарских большевиков Валерианом Куйбышевым, привлек его к военной работе. Вскоре Куйбышев стал членом Реввоенсовета и приступил к широкой мобилизации местных средств на нужды армии. В своих воспоминаниях о Фрунзе тогдашний командующий Восточным фронтом, один из крупнейших военных специалистов эпохи гражданской войны, С. С. Каменев, отмечал, что «если Восточный фронт создался как регулярный фронт, то это произошло за счет местных сил и средств. Так что использование местных средств, казалось, уже в то время было доведено до большой степени напряжения. Однако, когда появляется здесь Михаил Васильевич, закипает новая работа. Он откапывает новые силы и средства, и эти силы и средства оказываются такой величины, что позволяют образовать новые части и нанести тот удар, который приводит к победе».

Меры, предпринятые Фрунзе, позволили в короткие сроки укрепить 4-ю армию. Колчаковские полчища в это время рвались к Волге. Белым удалось потеснить 2-ю и 3-ю армии, начала отходить 5-я армия. Подступы к Самаре прикрывала также 4-я армия, реорганизованная Фрунзе и теперь готовая не только сдержать натиск врага, но и дать ему отпор. В очень сложной обстановке, несмотря на возражения вышестоящего командования, Фрунзе отдал приказ о наступлении, поставив об этом в известность В. И. Ленина. В своем ответе Владимир Ильич

поддержал Фрунзе и решительно потребовал не пускать Колчака за Волгу.

Наступление, начатое Фрунзе, развивалось весьма успешно. Части 4-й армии заняли в марте Сломихинскую, очистили от белых значительную территорию по течению реки Урал, выбили белых из Лбищенска. Теперь об эвакуации Самары и отходе за Волгу не могло быть и речи.

Успехи 4-й армии, несомненно, достигнуты благодаря героизму и отваге ее бойцов, благодаря умелым действиям командующего, которому приходилось руководить войсками и осуществлять свои замыслы далеко не в благоприятной обстановке. Ф. Ф. Новицкий по этому поводу, в частности, замечает: «В отношении плана борьбы против Колчака выявились различные точки зрения — у главкома, командующего Восточным фронтом и тов. Фрунзе».

Много сил пришлось потратить Михаилу Васильевичу на то, чтобы отстоять свой план. Прежде всего надо было убедить командование фронта в том, что оно в своих директивах и замыслах не учитывает всех факторов, сложившихся в ходе событий на передовой. Затем надлежало материально обеспечить предстоящую операцию, а это осуществить было невероятно трудно. Боеприпасы в его армию поступали крайне медленно и в незначительном количестве. Новые формирования не утверждались. Снаряжение и обмундирование не доставлялись вовсе. Из штаба Восточного фронта на требования Фрунзе следовали трафаретные ответы: «Центр не утвердил», «Центр не разрешил», «Что это вы там затеяли?»... Третировал Михаила Васильевича, и не только его одного, высокомерный и властный Троцкий, осыпая командарма надменными окриками, ошарашивая запретами.

На посту командующего армией Фрунзе быстро завоевал исключительную популярность не только среди командного состава, поверившего в своего руководителя, но и среди красноармейцев. Конечно, всеобщее признание объясняется в первую очередь тем, что Михаил Васильевич сумел укрепить армию, сделать ее боеспособной, упорядочить в ней боевую жизнь. Но в немалой степени авторитет командующего, в особенности среди рядовых бойцов, был завоеван, кроме всего прочего, еще и проявлением личного мужества, подлинного воинского бесстрашия.

Так, на другой же день после памятного посещения бригады Ивана Плясункова Фрунзе выехал в район деревни Шапово, где началось наступление против белых. Штабные работники энергично возражали против этого. Они утверждали: «Командарм не имеет права рисковать собой». И в общем-то были правы. Но в той обстановке, в годы гражданской войны, не раз складывались такие ситуации, когда только личный пример командира, и в особенности командира высокого ранга, мог воодушевить бойцов, создать перелом в боевой обстановке. Появление Фрунзе с оружием в руках среди наступающих под деревней Шапово было встречено красноармейцами восторженно, придало им силы и помогло окончательно развеять вздорный слух о том, что новый командующий из царских генералов и увлекается лишь парадной показной стороной в подготовке войск.

Успехи, достигнутые Фрунзе, настолько порадовали командующего Восточным фронтом, что он особо это отметил: «Работа вашей армии превзошла все ожидания, это единственная светлая страница нынешних дней фронта».

В то время когда 4-я армия развивала успех, 5-я армия отходила в направлении Симбирска и Са-

мары, 2-я отступала к Сарапулу. Уходила с Южного Урала и 1-я армия. Колчак получал реальную возможность выйти на Волгу.

Еще 5 марта Фрунзе подчинили Туркестанскую армию, а с 10 апреля Михаил Васильевич вступил в должность командующего войсками Южной группы Восточного фронта. Теперь под его командованием находились помимо 4-й и Туркестанской армий еще и 1-я и 5-я, а также укрепленный район участка реки Волги от Ставрополя до Сызрани.

Сложившуюся к этому времени обстановку Фрунзе характеризовал в приказе войскам Южной группы следующим образом: «Противник, овладев Стерлитамаком и Белебеем, продолжает теснить части 1-й и 5-й армий, угрожая одновременно выходом в тыл левому флангу 5-й армии в районе Бугульмы и стараясь отрезать 1-ю армию от 5-й».

Исходя из этого, Фрунзе поставил боевую задачу: «Удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулука под начальством командующего 1-й армией, с тем чтобы, перейдя этой группой в решительное наступление, ударом в левый фланг противника отбросить его к северу».

Подчиненные Фрунзе армии были неодинаковы по степени боевой готовности. Поэтому ему приходится думать не только о сдерживании рвущегося к Волге противника, но главным образом о нанесении мощного контрудара, который затем можно было бы развить и превратить в окончательный разгром опасного врага.

Фрунзе невероятно быстро наводит порядок в отступающих частях и тем самым добивается прекращения кое-где возникшей паники. Особенно плохи были дела в 5-й армии, против которой действовала вчетверо превосходящая по численности армия ге-

нерала Ханжина, великолепно экипированная и вооруженная. Белые захватили Уфу, отступление приобретало беспорядочный характер, командование все больше и больше теряло власть над войсками. В этот момент Фрунзе выдвинул на пост командующего 5-й армией Тухачевского, увидев в нем одаренного военачальника. Опираясь на нового командарма, Фрунзе и в 5-й армии сравнительно быстро добился заметного перелома к лучшему.

В той обстановке, какая сложилась ранней весной 1919 года на Восточном фронте, его руководство и большинство командиров частей думали главным образом о наведении порядка в отступающих и деморализованных частях, о стабилизации положения, не исключая ухода за Волгу. А Колчак очертя голову рвался вперед, торопясь как можно быстрее выйти к волжским рубежам. Спешить его заставляло стремление успеть форсировать эту величайшую водную преграду еще по крепкому льду.

В «Тезисах ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта» В. И. Ленин характеризует создавшуюся обстановку следующим образом: «Победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака» [1].

11 апреля 1919 года была объявлена мобилизация на Восточный фронт. В «Тезисах ЦК РКП(б)» излагается обширная программа действий по ликвидации нависшей над Республикой опасности и достижения быстрейшего разгрома грозного врага.

Ленинские указания и требования налагали особую ответственность на бойцов Восточного фронта и

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 271.

главным образом на его командование. Это они прежде всего должны были проявить «самое крайнее напряжение сил».

Ответ на энергичный призыв и указания В. И. Ленина и ЦК партии мог быть только один — успешные боевые действия, скорые победы, а затем и полный разгром Колчака. Именно в этот период Фрунзе мужает как полководец, демонстрирует мудрость в оценке боевой обстановки, в анализе замыслов противника, в мобилизации всех сил и наиболее рациональном их использовании на поле боя.

Фрунзе не упускал из виду необходимости всемерного укрепления армии, поднятия ее боевого духа. В то же время он зорко следил за противником, старательно анализируя боевую обстановку и отыскивая контршансы. Михаил Васильевич принимал во внимание, что зарвавшийся противник все больше отрывается от тылов, которые с наступлением распутицы становится труднее подтягивать, учитывал, что силы противника с каждым днем распыляются по фронту. С особым вниманием он изучал данные разведки, во всех деталях вынашивая план контрудара. В приказе по войскам Южной группы Фрунзе требует «непрерывно вести разведку, не теряя соприкосновения с противником для возможно более точной ориентировки в расположении его частей».

Пока идет перегруппировка войск, скрытая подготовка их для нанесения контрудара, противник продолжает наступление, и у него создается впечатление, что успех нарастает, развивается. Но это иллюзорное впечатление. В горячке фронтовых будней Фрунзе тщательно шлифует свой план, с каждой новой разведсводкой вносит в него коррективы, уточняет направление главного удара и выбирает для этого наиболее подходящий момент.

К счастью, славная разведка Чапаевской дивизии перехватила два оперативных приказа противника, о чем немедленно было сообщено Фрунзе. Это позволило узнать дислокацию вражеских войск, выяснить, насколько была растянута армия генерала Ханжина, получить точные данные о разрыве между 6-м и 3-м корпусами белых. Фрунзе увидел превосходную возможность вклиниться между этими корпусами и ударить им в тыл. Так родился оперативный план и четкие приказы командующего Южной группой о контрударе. Все это потом войдет в историю как образец выдающегося воинского искусства под названием знаменитой Бугурусланской операции, положившей начало решительному разгрому Колчака по всему фронту.

Фрунзе проявил волю и настойчивость в отстаивании своих идей, даже в том случае когда они шли вразрез с авторитетным мнением вышестоящего командования. С полным знанием дела и конкретных фактов рассказал об этом позднее командующий Восточным фронтом С. С. Каменев.

В частности, он отметил, как решительно и разумно вмешался М. В. Фрунзе в план передислокации частей, собирая силы для нанесения мощного удара. Пункт сосредоточения этих сил он выбрал сам, не остановившись перед необходимостью оспорить уже принятое вышестоящим командованием решение. С. С. Каменев вспоминает: «...Относительно сосредоточения. Здесь Михаил Васильевич опять оказался выдающимся военным работником. Пункт сосредоточения в Бузулуке выбрал он. Мною был выбран пункт несколько севернее, а он остановился именно здесь, приведя целый ряд доводов, которые показали, что он учел абсолютно всю обстановку».

В один из самых решающих моментов подготовки

Бугурусланской операции изменил комбриг Авилов, рекомендованный на высшую командную должность Троцким. Авилов, бывший офицер царской армии, честолюбивый и амбициозный человек, при первой же встрече с Фрунзе дал понять, что рассчитывает получить крупную должность — не ниже командующего армией. Это насторожило М. В. Фрунзе, и он, посоветовавшись с В. В. Куйбышевым, назначил Авилова командиром 74-й бригады, находившейся в резерве. К моменту Бугурусланской операции эта бригада в ходе перегруппировок оказалась на передовой. И вот за неделю до начала операции Фрунзе получил срочное донесение: «Командир 74 бригады Авилов, захватив важнейшие оперативные документы, в том числе приказ № 021, перебежал на сторону Колчака». Не приходилось сомневаться, что изменник, пользуясь своим положением, помимо штабных документов собрал еще подробные сведения о командном составе и общем состоянии войск. Таким образом, врагу стало известно, в частности, что части Красной Армии плохо обеспечены боеприпасами и у них нет значительного резерва.

Что в этом случае можно было предпринять? Фрунзе решает начать операцию на четыре дня раньше. Сделать это в условиях острого недостатка в людских резервах и вооружении по весенней распутице невероятно трудно. Но энергичные действия командующего Южной группы и его штаба позволили преодолеть все трудности. Враг не сумел извлечь выгоду из полученных от предателя абсолютно достоверных и чрезвычайно важных сведений. Фрунзе нашел единственно верный в тех условиях выход. Бугурусланская операция увенчалась полным успехом, армии генерала Ханжина был нанесен сокрушительный удар, разгрому подверглись 4-я уфимская диви-

зия, Ижевская бригада и отдельная Оренбургская бригада белых. Взяты были богатые трофеи и свыше двух тысяч пленных.

Бугурусланская операция закончилась 13 мая, а через два дня, не давая противнику опомниться, Фрунзе начинает следующую, Белебейскую операцию. В ходе ее не выдержали натиска отборные части генерала Каппеля.

Штаб Фрунзе находится все время вблизи передовой. Сам Михаил Васильевич постоянно в зоне боев, прекрасно знает о настроениях своих бойцов и командиров, их боевой жизни и нуждах.

Используя наступательный порыв войск, Фрунзе, несмотря на противодействие Троцкого, продолжает развивать успех. Белебейская операция была закончена 19 мая. Спустя шесть дней начинается грандиозная операция по овладению Уфой. Операция эта началась бы и раньше, если бы командование фронтом по приказу Троцкого не чинило препятствий. Подступы к Уфе преграждала многоводная, особенно в весенние месяцы, река Белая. Кроме того, на защиту города колчаковцы стянули все свои лучшие силы. И все равно они были сломлены решительным ударом войск, которыми непосредственно руководил Фрунзе. При форсировании реки Белой под Уфой он был контужен, но не ушел с поля боя.

Партия высоко оценила роль М. В. Фрунзе в разгроме колчаковских войск. Он был награжден орденом Красного Знамени и вскоре назначен командующим Восточным фронтом.

Колчак уже терял силу, откатывался за Урал. В августе 1919 года Восточный фронт был разделен на два фронта: Восточный и Туркестанский. Фрунзе становится командующим Туркестанским фронтом. Это соответствовало и важности поставленных перед

вновь образованным фронтом задач и в какой-то мере личным желаниям Фрунзе. Еще только вступив в должность командующего 4-й армией, он в первом же своем приказе ставил стратегическую задачу «пробить дорогу к хлебу, хлопку, железу, нефти и углю...». Год работы в Иваново-Вознесенской губернии, год невероятных усилий по налаживанию промышленности, по избавлению трудящихся от голода убедил Михаила Васильевича в том, что «пробить дорогу к хлебу, хлопку, железу, нефти и углю» означает «проложить тем самым путь к постоянному прочному миру». Важнейшая особенность полководца-революционера проявилась в этом первом его боевом приказе — в нем схватывался смысл всей войны, ясно был сформулирован тезис о путях достижения прочного мира. Фрунзе превыше всего ценил мир. Весьма примечательная черта!

Была и еще одна причина, по которой Фрунзе с энтузиазмом принял назначение командовать Туркестанским фронтом. Михаил Васильевич любил Туркестан — это его родина, и освобождение Средней Азии от ига английских интервентов, от белогвардейцев и местных националистов было его давней мечтой.

Членом Реввоенсовета Туркестанского фронта назначается В. В. Куйбышев. За время службы на Восточном фронте Фрунзе с ним особенно сблизился. Это были друзья, у них оказалось много общего — и подполье, и преследования, выпавшие на их долю при царизме, и неколебимая верность партии Ленина, и даже общее пристрастие к стихам. Фрунзе и Куйбышев не только зачитывались стихами, но и сами пробовали свои силы в поэзии. Они были мечтателями, людьми одухотворенными. При встрече между ними состоялась задушевная беседа. Оба достаточно

хорошо знали Среднюю Азию, им по душе было возвращение в эти края.

— У меня давно созрел план освободительного похода в Туркестан,— признался Фрунзе.

Однако до похода в Среднюю Азию было еще далеко. Чтобы пробиться туда, нужно было смести с дороги шестидесятитысячную армию генерала Белова, белоказачьи части Дутова, действовавшие в южноуральских степях и в дельте Волги. Белов и Дутов опирались на сильную кулацкую прослойку уральского и семиреченского казачества. Кроме того, они получали щедрую помощь вооружением от англичан через Гурьев.

К осени 1919 года низовья Волги, где держала оборону 11-я армия, входившая в состав Туркестанского фронта, приобретали особо важное стратегическое значение. Сюда стремился Деникин, еще не терявший надежды соединиться с колчаковцами. Да и Колчак видел в этом свое спасение. Он знал, что после недавних тяжелых боев с его главными силами войска Фрунзе нуждаются в пополнении и отдыхе, знал, что они испытывают недостаток в боеприпасах и продовольствии, среди красноармейцев свирепствует тиф, а врачей и медикаментов у красных очень мало. Все это противник принимал во внимание и надеялся на успех.

Но Фрунзе удавалось не раз разгадывать его замыслы, совершать стремительные маневры крупными соединениями. Он проявлял постоянную заботу не только о пополнении и снаряжении своих войск, но и об их морально-политической подготовке. В этом ему великолепно помогали такие опытные партийные работники, как Куйбышев, Киров, Фурманов и многие другие, занимавшие посты членов реввоенсоветов фронта и армий, комиссаров.

В войсках Фрунзе прослойка коммунистов и комсомольцев, пришедших на фронт добровольно и по партийной мобилизации, была довольно высока. Они показывали пример стойкости и отваги, цементировали всю остальную массу бойцов. Костяк многих формирований составляли рабочие полки, беззаветно верившие в своего командующего, который умело руководил войсками, проявлял исключительную личную храбрость.

Требуя от подчиненных железной дисциплины, неукоснительного выполнения приказов, Фрунзе прежде всего добивался сознательного отношения к делу. Все его боевые приказы написаны ясно и четко, вдохновенно и убедительно. Любопытно отметить, что Михаил Васильевич, взыскивая с подчиненных за проступки, очень редко прибегал к крутым и тем более крайним мерам, каждый раз стремился научить и воспитать провинившегося.

Борьба с белоказаками на южном фланге фронта потребовала от Фрунзе огромного напряжения, явилась новым испытанием его полководческого дарования и воинского мастерства. Став командующим Туркестанским фронтом, он вскоре получает директиву В. И. Ленина: «Ускоряйте изо всех сил помощь Южфронту. Нельзя ли взять оренбургских казаков под Питер или на иной фронт? Извещайте чаще шифром о фактическом исполнении» [1].

В соответствии с указаниями Председателя Совнаркома командующий фронтом всемерно усиливает боевые действия против белоказачества, наращивает темп и силу ударов по врагу. В боях с армиями Белова и Дутова он проводит несколько стремительных и мощных операций на окружение крупных сил про-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 51, стр. 62.

тивника, добиваясь при этом поразительного эффекта.

Сыграла свою положительную роль следующая мера, предпринятая командующим фронтом. Перед наступлением он обратился к уральскому казачеству с воззванием, в котором говорилось: «...Не пора ли понять, что вам, потомкам прежних вольнолюбивых борцов за мужицкие права, не место в лагере тех, кто хочет затянуть петлю на шее проснувшихся к новой жизни рабочих и крестьян... А что сделали вы с Россией? Вы отрезали ее от хлопка и нефти, отдали в руки английских разбойников Бакинский район, вы оставили этим села и города России без одежды, света и топлива. Вы сделали имя «казаки» ненавистным каждому рабочему и крестьянину. Этого ли вы хотели, уральцы?»

И вот результат. Когда в сентябре 1919 года армия Белова оказалась окруженной, к Фрунзе явилась делегация от казаков, заявившая о желании сложить оружие. В тот же день прекратили борьбу 20 тысяч казаков. Это способствовало тому, что части Туркестанского фронта соединились с двигавшимися с юга войсками Советского Туркестана. Путь «к хлебу, хлопку» был открыт. Теперь можно отправляться в Ташкент.

Однако Фрунзе вынужден был задержаться с отъездом. В низовьях Волги все еще сохранялось напряженное положение. Армия генерала Толстова с востока и кавалерия генерала Драценко с юго-запада рвались друг другу навстречу, стремясь установить живую связь между Колчаком и Деникиным. Яростные бои завязались у Черного Яра. Фрунзе лично участвовал в этих боях. Вместе с Куйбышевым и Кировым он шел в атакующих красноармейских цепях.

За осенние месяцы и начало зимы от белых были освобождены Орск, Актюбинск, Лбищенск и Гурьев.

5 января 1920 года Фрунзе отправил В. И. Ленину телеграмму: «Уральский фронт ликвидирован».

Уральский фронт ликвидирован, а Фрунзе все еще не может выехать в Ташкент. Туда отправляются члены Реввоенсовета фронта В. В. Куйбышев и Ф. Ф. Новицкий. Командующий едет в Москву на VII Всероссийский съезд Советов.

В столице предстояла встреча с В. И. Лениным. Готовясь к ней, Фрунзе по пути в Москву подводит итоги боевой кампании за минувший год на Восточном и Туркестанском фронтах. Да, он провоевал год — труднейший для Республики, решивший ее судьбу. Итоги получались ободряющие. От белых освобождена обширная территория Поволжья и Урала, вся Оренбургская губерния и Башкирия, расчищен путь в Среднюю Азию. За счет боевых трофеев Красная Армия намного улучшила свое вооружение.

Встреча с Лениным состоялась. Адъютант Фрунзе С. А. Сиротинский описал ее так:

«В 9 часов утра Михаил Васильевич подъехал к Кремлю. Получив пропуск, он пошел медленнее, чем обычно. Лицо его стало задумчивым. Вот сейчас он увидится с Владимиром Ильичем. Надо собраться с мыслями, не растеряться, все взвесить, продумать.

Но продумать он ничего не успел. Едва вошел в секретариат, как его тут же провели в кабинет. Владимир Ильич сидел за столом, склонившись над бумагами. Он поднял голову, улыбнулся:

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Фрунзе,— сказал он, выходя из-за стола и обеими руками пожимая руку Фрунзе.— А ведь я больше помню вас как Арсения, как Михайлова, наконец.

Фрунзе стоял смущенный, взволнованный.

— Я и сейчас иногда подписываюсь Фрунзе — Михайлов,— ответил он.

...Постепенно беседа перешла на вопросы о положении на фронтах, о голоде, разрухе. Разговаривая, они подошли к карте, и Михаил Васильевич принялся рассказывать Владимиру Ильичу о борьбе с Колчаком, показывая на карте положение армий, фронтов, объясняя маневры отдельных операций. Владимир Ильич слушал и внимательно следил за движением руки Фрунзе.

— Молодцы! — выслушав Фрунзе, произнес он.— Герои! Такую армию, как армия Колчака, разбили, а? Историки изучать потом будут ваши операции, товарищ Арсений. А нас ведь здесь запугивали: фантазия, мол, бред контрнаступление, ничего-де не выйдет, отступать надо. А вот и вышло! — Ленин подошел ближе к Фрунзе и, смотря на него сияющими глазами, повторил: — Вышло! И еще выйдет! — Он широким взмахом руки провел по карте.

Вернулись к столу. Опять и опять Ленин заставлял Фрунзе рассказывать о боях, о состоянии армии. Слушая, Владимир Ильич время от времени отмечал что-то у себя в блокноте. Потом, как бы спохватясь, сказал:

— Не устали? Может быть, вам отдохнуть надо немного, а?

— Что вы, Владимир Ильич!

— Верно, потом отдохнем. Хорошо отдохнем! Ведь вы туркестанец?

— Да. В юности жил в Семиреченской области.

— Видите, как удачно,— оживился Ленин.— Замечательно. Вы хорошо знаете этот край?

— Знаю, даже язык знаю, правда больше киргизский.

— Это совсем клад,— усмехнулся Владимир Ильич.— А вы молчите, скромничаете.

Они снова вернулись к карте.

— Вот видите,— показывая на карту, продолжал Владимир Ильич.— Наши города — Москва, Петроград, Тула, Иваново, Ярославль... Промышленные центры, а заводы и фабрики стоят. Нас бьют блокадой, голодом. Мы отрезаны от хлебных районов, от угля, от нефти, от хлопка. Открыв дорогу в Туркестан, мы еще не очистили его от врагов Советской республики; еще предстоит серьезная и упорная борьба. Контрреволюционные банды в Туркестане опираются на помощь англичан...

— А ведь мы можем их прищемить, Владимир Ильич, и сильно прищемить! — сказал Фрунзе.

— Вы так думаете? Уверены?

— Безусловно. Туркестан мы очистим от контрреволюционной нечисти. Заверяю вас в этом. А здесь,— Фрунзе показал на линию границы, отделяющей Среднюю Азию от Афганистана,— отсюда можем пугнуть интервентов, да так, что в Лондоне слышно станет.

Владимир Ильич прошелся по кабинету.

Когда беседа подошла к концу и Фрунзе начал прощаться, Владимир Ильич сказал ему:

— Ждем от вас добрых вестей, товарищ Арсений. От души желаю удачи!»[1]

После выступления на съезде Советов и бесед с В. И. Лениным Фрунзе выкроил несколько суток, чтобы наведаться в дорогие его сердцу края. Он побывал в Костроме, Шуе и Иваново-Вознесенске, поглядел на жизнь текстильщиков — они еще тяжко

---

[1] *С. А. Сирогинский*. Путь Арсения. Воениздат, 1959, стр. 160—162.

бедствовали,— повидал старых товарищей. Среднеазиатский хлопок нужен был «ситцевому краю», как говорится, позарез.

Фрунзе поспешил в Ташкент. Но спешить в те годы было очень трудно. Из Самары в Ташкент поезд тащился двадцать семь суток! На степных просторах свирепствовали бураны, заносившие пути, не было топлива. Пассажирам, в том числе и командующему, не раз приходилось браться за лопаты для расчистки путей. В Актюбинске простояли одиннадцать суток в ожидании дров. А когда они были доставлены, пришлось взяться за пилы. И вместе с другими пилил Фрунзе. Дрова расходовали только для паровоза, вагоны почти не отапливались. Тягостное впечатление производили на разоренных станциях скопления больных людей. Тогда свирепствовала эпидемия сразу нескольких опасных болезней: «испанки» (грипп в тяжелой форме), сыпного тифа, дизентерии. Многие больные от голода находились в состоянии дистрофии.

За одиннадцать суток вынужденной стоянки в Актюбинске Фрунзе принял экстренные меры по наведению порядка в обслуживании больных. Для оказания медицинской помощи он оставил здесь часть своих сотрудников.

Несмотря на все трудности долгой дороги, сам Фрунзе и те, кто ехал с ним, усиленно готовились к предстоящим делам в Средней Азии. Михаил Васильевич, хорошо знавший этот край еще с детства, перед отъездом собрал о нем всю возможную литературу, у него в купе товарищи могли увидеть даже коран. Командующий основательно штудировал все это. Заставлял и других набираться знаний, созывал сотрудников и проводил с ними нечто вроде семинара по изучению Средней Азии.

Новый фронт борьбы по своему характеру отличался редким своеобразием. Предстояло действовать в обстановке, где и природные условия, и жизнь населения резко отличались от центральных районов России. Нужно было не только силой оружия разгромить белые банды, отряды басмачей, выгнать английских интервентов, сокрушить эмират, но еще и средствами гибкой политики, а порой и искусной дипломатии одних нейтрализовать, других привлечь на свою сторону. Фрунзе всегда предпочитал при малейшей к тому возможности улаживать все мирными средствами и только обстоятельства вынуждали его обнажать меч.

Так начиналась миссия Фрунзе по освобождению Средней Азии от интервентов и белогвардейцев. Михаил Васильевич, бойцы и командиры Красной Армии несли раскрепощение ее народам, шли к ним как друзья, близко принимавшие к сердцу их беды и нужды, как борцы против вековой тьмы, нищеты и невежества. Командующий сам показывал примеры чуткого и внимательного отношения к местному населению, этого же неукоснительно требовал от каждого командира и красноармейца.

В одном из своих приказов, отданных по прибытии в Ташкент, он писал: «...Требую, чтобы каждым своим действием, каждым поступком как отдельные красноармейцы, так и целые части внушали населению любовь и доверие к Красной Армии... требую, чтобы не слезы и горе, а радость и благодарность оставляли вы за собой, проходя селения и кишлаки Ферганы, чтобы вами оказывалась всяческая помощь и содействие трудовому населению области без различия национальности. Только таким путем мы дадим понять мусульманской бедноте, что Красная Армия не враг, а опора и защитник ее».

Бойцы с готовностью следовали ясным и благородным приказам своего командующего, активно содействовали завоеванию у трудового населения Средней Азии уважения и доверия.

Разбить басмачей в открытом бою было бы не так трудно, но дело в том, что они открытого боя не принимали, действовали отдельными группами. Выигрыш противника — превосходное знание местных условий, всех обычаев и традиций мусульман, их религиозных догм. При этом басмачество не испытывало недостатка в вооружении и боеприпасах, присылаемых из-за рубежа.

Средняя Азия тогда была наводнена иностранными агентами и лазутчиками. Империалисты ставили своей целью отторжение ее от Советского государства. Они не жалели для этого ни сил, ни средств. Опираясь на басмачество, английские интервенты, например, непосредственно вмешивались в события, происходившие в Средней Азии.

Фрунзе предложил некоторым руководителям басмачества прекратить бессмысленное сопротивление, доказывая, что кровавая борьба лишь на руку иностранным империалистам и является прямым предательством национальных интересов страны. Командующему удалось убедить в этом Мадамин-бека, предводителя крупного соединения басмачей. Мечтая о возрождении своей родины, он поклялся служить Советской власти. Но другие главари не последовали его примеру.

Фрунзе внимательно изучил действия басмачей, их тактику, реорганизовал воинские части, создав подвижные отряды, которые отличались повышенной мобильностью и могли перехватывать мелкие вражеские группы, внезапно нападавшие на посты и отдельные гарнизоны.

Нельзя было сбрасывать со счетов и белогвардейцев, бежавших сюда под ударами Красной Армии. Одной из первых крупных операций, которой лично руководил командующий фронтом, был разгром сил атаманов Анненкова и Дутова.

Серьезную опасность представлял бухарский эмир, угрожавший ударить в тыл и фланг войскам фронта. Сначала с ним велись дипломатические переговоры. Эмир обещал не выступать против советских войск. Но время шло, и он продолжал усиленно вооружаться, пользуясь иностранной помощью и услугами беглых офицеров старой армии. Кроме того, эмир с азиатской жестокостью расправлялся с освободительным движением. Все это не оставляло сомнений в том, что он выжидал лишь удобного момента для удара по частям Красной Армии.

Командующий фронтом, презирая опасность, объехал почти всю обширную территорию, на которой размещались его войска. Он побывал и в самых отдаленных гарнизонах — в Красноводске, Мерве, Кушке. В борьбе с басмачами удалось одержать несколько значительных побед. После этого их силы пошли на убыль.

В конце августа 1920 года в Бухаре вспыхнуло народное восстание. Войска Туркестанского фронта поспешили на помощь восставшим. Силы эмира бухарского по численности в четыре раза превосходили наступающие части красных. К тому же войска эмира превосходно знали местность, были хорошо вооружены, во главе их стояли кадровые офицеры и английские советники. И все же бойцы Красной Армии под командованием М. В. Фрунзе охватывающими стремительными ударами истребили часть солдат и офицеров эмира в первых же лихих атаках, а другую часть загнали в крепость и штурмом овладели ею.

Бухарская операция закончилась 3 сентября 1920 года, а через неделю Фрунзе был вызван в Москву. Назначение его командующим Южным фронтом произошло по инициативе В. И. Ленина на заседании Совета Труда и Обороны.

Во время состоявшейся беседы между В. И. Лениным и М. В. Фрунзе Владимир Ильич потребовал ликвидации врангелевщины до наступления зимы. Фрунзе дал твердое обещание выполнить это указание, хотя знал, что придется иметь дело с серьезным противником.

Еще находясь в Средней Азии, Фрунзе внимательно присматривался к событиям на юге, и в частности к действиям Врангеля, трезво оценивал его силы. Уже после того как враг был повержен, он писал: «Во всех эпизодах полугодичной борьбы Врангель, как командующий, в большинстве случаев проявил и выдающуюся энергию и понимание обстановки. Что касается подчиненных ему войск, то и о них приходится дать безусловно положительный отзыв».

На стороне Врангеля были бесспорные преимущества — кадровый состав войск, современное вооружение и почти непреодолимые естественные рубежи обороны, усиленные инженерными укреплениями. Понятно, что к борьбе с таким противником надо было готовиться особенно тщательно и серьезно.

И Фрунзе готовился. Он сделал все, чтобы создать превосходство в силах на фронте, значительно укрепить каховский плацдарм.

Командование Южным фронтом Фрунзе принял 27 сентября 1920 года. А уже 16 ноября он отправляет лаконичную телеграмму Ленину: «Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован». Вся подготовка и операция по разгрому Врангеля заняла лишь 51 день.

На Южном фронте Фрунзе воевал менее продолжительное время, чем на Восточном и Туркестанском. Но это были самые памятные для него дни. Пожалуй, такой грандиозной задачи, какая была поставлена перед ним Лениным, партией, народом, ему еще не доводилось решать. Как известно, на войне нет легких побед, нет легких боев. Каждый из них по-своему труден, а для кого-то он может оказаться и роковым. Фрунзе не забыл кровопролитные сражения на Восточном и Туркестанском фронтах. Там он многократно подвергался смертельной опасности. На Южном фронте Михаил Васильевич лично рисковал, может быть, меньше, чем раньше. Но бои против Врангеля, несомненно, потребовали значительно большего напряжения сил, воли, энергии, таланта, ума, военной хитрости, полной отдачи всего себя. Именно поэтому Фрунзе потом чаще будет вспоминать, анализировать и оценивать ход боевых действий заключительного этапа гражданской войны, восстанавливая в памяти конкретную обстановку, в которой развертывались сражения на юге.

Боями на каховском плацдарме, в Таврии, на Перекопе и в Крыму победоносно завершилась гражданская война. Но для Фрунзе это не было окончанием борьбы. Он имел все основания сказать о себе словами популярной в те годы песни — «и вся-то наша жизнь есть борьба». Да, ему до последнего вздоха выпало на долю воевать и рисковать собой. И воевал он талантливо и рисковал с поразительным бесстрашием.

Вскоре после разгрома Врангеля Фрунзе назначается командующим вооруженными силами Украины и Крыма и уполномоченным Реввоенсовета Республики. И на этом новом посту в числе многих важных дел ему пришлось решать труднейшую задачу лик-

видации банд Махно. В свете всего боевого опыта прославленного полководца эта задача на первый взгляд может показаться и не столь значительным эпизодом, но это не так.

Тактика Махно напоминала тактику басмачей. Однако его отряды действовали еще изворотливее, обладали большим военным опытом и сноровкой. Так как бандиты упорно уклонялись от схваток с крупными соединениями, коварно наносили внезапные удары, Фрунзе решил создать против них так называемый «летучий корпус». В составе корпуса было несколько десятков подвижных отрядов, они преследовали и уничтожали врага, используя его же тактику, но при этом опираясь на организованную силу регулярной армии.

М. В. Фрунзе оперативно руководил борьбой по уничтожению банд Махно, принимал личное участие в схватках с ними. Однажды это чуть было не стоило ему жизни. Добрый конь унес Фрунзе от махновских сабель, бандитские пули изрешетили шинель, а одна, к счастью, не сильно ранила.

К лету 1921 года было покончено и с махновщиной. Наступила мирная жизнь. На первый план выдвигались задачи социалистического строительства, борьбы с разрухой, за подъем народного хозяйства.

Все это хорошо знакомо Фрунзе, опытному партийному, государственному и военному деятелю. Став в ходе гражданской войны крупнейшим полководцем, не изведавшим ни разу горечи поражения, он в то же время оставался партийным деятелем. Именно по этой причине Михаил Васильевич не всегда полагался в борьбе с врагами на одну только силу оружия. Очень часто он действовал словом убеждения, не раз прибегал к искусству дипломатии. В литера-

туре проанализированы многие его выдающиеся победы, но стоило бы обратить внимание и на то, когда Фрунзе как военачальник побеждал, не прибегая к оружию. Так не раз бывало на Восточном фронте и в Средней Азии. И это важная черта полководца нового типа, который более всего стремится не прославить любой ценой свое оружие, а достичь мира возможно меньшей кровью.

И еще одно обстоятельство обращает на себя внимание. Красная Армия, громя врага, по необходимости, как и всякая армия, причиняет разрушения. Но вряд ли какая другая армия, едва выйдя из боя, берется с таким энтузиазмом за созидательную работу. Используя малейшую передышку, наши красноармейцы восстанавливали дороги, налаживали предприятия, а иногда и переключались на трудовой фронт, оказывая спешную помощь рабочим и крестьянам. Таких примеров в истории гражданской войны множество.

Не случайно наряду с главной задачей — разгромом врага — Фрунзе в своих приказах неоднократно ставил перед войсками и сугубо хозяйственные цели: «...пробить дорогу к хлебу, хлопку, железу, нефти и углю...»

С окончанием гражданской войны М. В. Фрунзе направляет основные свои усилия на строительство и укрепление вооруженных сил страны, разработку важнейших вопросов военной теории и обобщения опыта войн, оснащения армии современным оружием и всем необходимым. Но он с глубоким интересом и пониманием занимался также сложнейшими проблемами экономики и хозяйственной жизни. Михаил Васильевич не раз подчеркивал, что боевая сила армии определяется в своей основе экономической мощью страны.

Вот почему он уделяет пристальное внимание развитию народного хозяйства, увлечен экономической статистикой, новой техникой, работой новых предприятий. Отсюда и его частые поездки на заводы, многочисленные встречи с деятелями науки и техники, рабочими и крестьянами, молодежью.

Теперь, в мирное время, Фрунзе, как правило, исполняет не одну, а несколько должностей, очень часто разнородных по своему характеру. Так, став Командующим Вооруженными силами Украины и Крыма и уполномоченным Реввоенсовета Республики, он одновременно назначается на пост заместителя председателя Совнаркома Украины, избирается членом Политбюро ЦК КП(б)У и ВУЦИК, возглавляет всевозможные комиссии, решающие неотложные дела большой государственной важности.

Окончание войны, естественно, повлекло массовую демобилизацию из армии. Надо было трудоустроить миллионы красноармейцев, обеспечить земельными наделами тех, кто возвращался в село. Фрунзе вникает во все детали демобилизации, вносит на рассмотрение Советского правительства и ВУЦИК ряд законоположений, гарантирующих права увольняемых красноармейцев. Вместе с тем он следит, как бы в пылу массовой демобилизации армия не лишилась необходимых специалистов.

Как командующий Фрунзе постоянно занимается переформированием, боевой подготовкой и оснащением воинских частей. В Харькове он встречается с военными специалистами старой армии, призывает их изучать и обобщать боевой опыт. Под его руководством и при его самом ближайшем участии перерабатывается устав строевой службы, кавалерийский устав, составляется проект наставления для авиационных начальников.

По инициативе Фрунзе на Украине создается «Общество ревнителей военных знаний». К работе этого общества помимо военспецов и кадровых военных широко привлекаются ученые, инженеры, техники, добровольцы активисты и энтузиасты.

В разоренной войной стране рождается множество проблем, требующих самого срочного разрешения. Из-за нехватки топлива останавливаются фабрики и заводы, с перебоями работает железнодорожный транспорт, в городах нет света, даже больницы не обеспечены в должной мере дровами, электроэнергией и питьевой водой.

В феврале 1921 года Совнарком Украины создает Особую комиссию по топливу и продовольствию. Возглавить эту комиссию поручается Фрунзе. Ему пришлось вплотную заниматься восстановлением шахт Донбасса, налаживанием железнодорожного транспорта, заготовкой и доставкой продовольствия.

В 1921 году В. И. Ленин дал Фрунзе такую директиву: «...Урожай на юге превосходный.

Теперь *главный вопрос всей* Советской власти, вопрос жизни и смерти для нас,— собрать с Украины 200—300 миллионов пудов.

Для этого главное — соль. Все забрать, обставить тройным кордоном войска все места добычи, ни фунта не пропускать, не давать раскрасть...

Поставьте по-военному. Назначьте точно ответственных лиц за каждую операцию. Мне их список (все через Главсоль).

Вы — *Главком* соли.

Вы отвечаете за все» [1].

Сейчас не только трудно, а, пожалуй, даже и невозможно представить, что в те годы соль в рыноч-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, стр. 196—197.

ной торговле, носившей преимущественно характер менового обмена, не уступала золоту. За соль можно было приобрести все — и продукты сельского хозяйства, и одежду, и обувь... Соль спасала от голода, спекулянты на ней баснословно наживались и богатели.

А между тем в Крыму — в районе Евпатории, Сиваша, Феодосии скопились горы соли. Много ее было и на соляных рудниках близ Бахмута. Все это расхищалось спекулянтами, потому что невозможно было отправить из-за расстройства транспорта и нехватки рабочей силы. Вот почему Ленин считал необходимым поручить это дело армии и одному из самых прославленных ее полководцев.

Фрунзе выехал в Крым и лично руководил организацией охраны и добычи соли, транспортировкой ее по морю, строительством железнодорожных путей, мобилизацией гужевого транспорта. Директива Ленина была выполнена.

Несколько позднее Фрунзе возглавляет официальную дипломатическую миссию. Конец 1921-го и начало 1922 года он проводит в Турции во главе полномочной делегации, выполняя ответственнейшее поручение Советского правительства. Михаил Васильевич должен был вести переговоры, которые следовало завершить заключением договора о дружбе. На пути к этому предстояло преодолеть немалые трудности.

Турция еще не освободилась от полуколониальной зависимости. Победы в войне с Грецией породили шовинистический угар, по стране прокатилась волна погромов немусульманского населения, в первую очередь греков и армян. Истребление армянского населения вызывало естественный гнев и прямо противоречило духу и букве подписанного договора о друж-

бе с Советской Арменией и договора о дружбе и братстве с Советской Россией. Необходимо было добиться соблюдения этих договоров.

Поездка в Турцию заняла без малого три месяца. Фрунзе, с детства знавший киргизский язык, мог общаться с представителями различных кругов турецкого общества без переводчика. Личное обаяние, а главное, та правда и те принципы, которые он излагал, обосновывая необходимость дружеских взаимоотношений между государствами, обеспечили полный успех ответственной и сложной дипломатической миссии. С Турцией был заключен договор о дружбе, упрочивший добрососедские отношения между двумя странами. Выступая в меджлисе, Кемаль Ататюрк дал самую лестную оценку Фрунзе и тому, что он проделал за время своего пребывания в Турции.

В марте 1924 года Михаил Васильевич отзывается в Москву. Он назначается заместителем председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам. Одновременно на него возлагаются обязанности начальника штаба РККА и начальника военной академии, которая ныне по праву носит имя великого полководца. Менее чем через год Фрунзе становится председателем Реввоенсовета СССР и народным комиссаром по военным и морским делам, а также членом Совета Труда и Обороны.

Приступив к исполнению своих обязанностей, Михаил Васильевич взялся за укрепление центрального армейского аппарата, повел решительную борьбу с троцкистами, подрывавшими обороноспособность страны.

Под руководством Фрунзе начинаются реорганизация всех родов войск, перевооружение армии. Нарком ставит вопрос о создании танковой промышлен-

ности, добивается образования авиатреста, учреждает военно-химическое управление. По его инициативе вводится допризывная подготовка молодежи и вневойсковая подготовка студентов в высших учебных заведениях, создается Общество содействия обороне, ставшее позднее Осоавиахимом (ныне ДОСААФ), комсомол принимает шефство над военно-морским флотом, готовятся исходные данные для контрольных показателей по здоровью. На их основе позднее будет разработан известный комплекс ГТО. При непосредственном участии Фрунзе создаются Литературное объединение Красной Армии и Флота (ЛОКАФ), в которое входят Д. Фурманов, А. Серафимович, Д. Бедный, А. Фадеев, В. Вишневский и другие, студия военных художников имени Б. Грекова.

Но особенно большое внимание уделяет Фрунзе разработке военной теории, составлению новых уставов и наставлений, принципов строительства Красной Армии. Он углубленно разрабатывает вопросы единой военной доктрины, стремясь раскрыть характер будущих войн и определить задачи Красной Армии. Свои принципы Михаил Васильевич обосновывает, в частности, в тезисах по военному вопросу, предложенных им совместно с С. И. Гусевым X съезду партии, а также в ряде статей: «Единая военная доктрина и Красная Армия», «Основные военные задачи момента», «Красная Армия прежде и теперь», «Фронт и тыл в войне будущего», «Итоги и перспективы военного строительства», «Кадровая армия и милиция».

В этих и других его работах поражает широта взглядов, новизна идей, трезвый критический подход к оценке сделанного и совершенно ясные требования того, что предстоит сделать. Высказанные Фрунзе

суждения о характере предстоящих войн целиком подтверждены последующим ходом событий и до сего времени не утратили своего принципиального значения. Намеченная им конкретная программа организации и строительства нашей армии находится в прямом соответствии с теми задачами, которые ей предстояло решать.

М. В. Фрунзе призывал людей, посвятивших себя служению в вооруженных силах социалистического государства, «чувствовать постоянное недовольство самим собой, недовольство и неполноту своего научного багажа... стремиться к расширению своего кругозора, к пополнению своего теоретического и практического багажа... неустанно наблюдать не только за тем, что творится внутри нашей страны, но и за тем, что делается вне ее».

Михаил Васильевич и сам все это делал. Тому, кто бывал в его кабинете, кто знакомился с его библиотекой, многочисленными газетными и журнальными вырезками из зарубежной печати, пометками на полях прочитанного, записками и набросками, не могло не броситься в глаза, с какой жадностью изучал он военное дело и обстановку в мире.

Из работ Фрунзе, посвященных зарубежным политическим событиям, особенно популярен его обширный очерк «Европейские цивилизаторы и Марокко». Почему внимание полководца привлекла освободительная война риффов, к которой тогдашняя военная литература, как отмечает он во вступлении, особого интереса не проявила? Да потому, что это тот «пункт, где под грохот оружия, по существу, решается судьба колониального могущества всех западноевропейских стран...».

И еще есть одна причина, для того чтобы пристальнее вглядеться в события в Марокко. Она-то

и побудила Фрунзе к обстоятельному исследованию: «Здесь впервые после окончания мировой войны мы имеем перед собой опыт военных операций, проводимых в довольно широком масштабе и с применением всех новейших технических средств. При всей своей узости, односторонности и ограниченности опыт этот может дать немало полезного материала для суждения о характере будущих массовых военных операций современных армий. Роль «живой силы» и «техники», относительное значение родов оружия, вопросы маневренности и позиционности, война и политика и т. д. получают в свете этого опыта ряд новых конкретных данных, облегчающих их разработку».

Не бесплодное теоретизирование, а решение конкретных задач военного строительства и укрепления обороноспособности СССР — вот что характерно для исследований Фрунзе, которые он ведет, сочетая их с огромной практической организаторской и командной работой. Будучи наркомом по военным и морским делам, Михаил Васильевич участвует в большом заграничном походе кораблей Балтийского флота, присутствует на проводимых в широких масштабах военных маневрах, лично проверяет боевую подготовку армии.

На протяжении последнего года своей жизни Фрунзе дважды попадает в аварии, получает ранения. Все больше дает себя знать и застарелая язвенная болезнь, которая приводит его на операционный стол.

31 октября 1925 года Центральный Комитет партии известил всех коммунистов, весь советский народ: «От паралича сердца умер верный боец нашей партии, один из лучших ее сынов, тов. Фрунзе».

Было ему только сорок лет.

На двадцатом году Михаил Васильевич Фрунзе поставил перед собой цель — «изменить всю жизнь, чтобы не было бедности и лишений, ни у кого, никогда...»

Он более всего боялся сказать себе на склоне лет: «Вот и прожита моя жизнь, а к чему? Что стало лучше в мире в результате моей жизни?»

Фрунзе, к сожалению, не дожил до той поры, когда «на склоне лет» подводят окончательные итоги, но и за два десятилетия своей активной революционной деятельности он успел сделать очень много для того, чтобы в мире стало лучше и светлее. Поистине он всего себя отдал революции.

Потомки произносят и будут произносить имя Фрунзе с уважением и благодарностью, черпать в его жизненном подвиге вдохновляющий пример, ибо это была жизнь кристального человека, бесстрашного революционера, талантливого государственного деятеля, выдающегося полководца, одержавшего славные победы в боях за свободу и счастье народа.

Точные слова сказал о Михаиле Васильевиче его современник Г. К. Орджоникидзе: «Великая революция всегда рождала великих людей, великих полководцев, и не будет преувеличением, если скажем, что наша Великая Октябрьская революция наряду со многими другими именами выдвинула ярко блеставшую звезду — Фрунзе, преданного делу революции и полного любви к пролетариату».

Вечно сиять этой звезде.

Содержание

Николаев В. Н.
Н63 ОТДАЮ СЕБЯ РЕВОЛЮЦИИ... М., Политиздат, 1972.

128 с. с илл. (Герои Советской Родины).

$\frac{1-2-2}{138-72}$ 3КП1(092)

Заведующий редакцией *Н. Р. Андрухов*

Редактор *В. Н. Светцов*

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 26 апреля 1972 г. Подписано в печать 25 июля 1972 г. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 5,78. Учетно-изд. л. 5,34. Тираж 200 тыс. экз. А00139. Заказ № 1398. Цена 19 коп.

Политиздат. Москва, А-47,
Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

«Отдаю себя революции...» Так написал двадцатилетний Михаил Фрунзе. И он верен был своим словам до конца. Вся его жизнь — это борьба бесстрашного подпольщика, пережившего два смертных приговора, талантливого пропагандиста и организатора масс, выдающегося полководца.

О славной жизни и деятельности М. В. Фрунзе — верного ленинца — и рассказывает автор этой книги, писатель В. Н. Николаев. Рассчитана на массового читателя.

